

ПОЛЬША, ЛИТВА И КРЕСТОНОСЦЫ В КОНЦЕ XIV — НАЧАЛЕ XV в. НА СТРАНИЦАХ ХРОНИКИ БЕРНАРДА ВАПОВСКОГО

Сложным периодом в истории Прибалтийского региона стал XIII в., когда начала резко меняться геополитическая ситуация. Несколько разновекторных факторов влияли на эти перемены. Важнейшим из них были крестовые походы, предпринимаемые европейским рыцарством с санкции папства с целью христианизации славяно-балтского населения Восточной Прибалтики. Одной из форм крестоносной экспансии стало основание в Ливонии в 1202 г. «Братства воинов Христа» (ордена Меченосцев или Ливонского).

Другим фактором являлась польская феодально-католическая экспансия в земли Балтийского поморья и Пруссии. Именно она спровоцировала переселение на польские земли (Добжинскую, Хелминскую и Куявскую) рыцарей Тевтонского ордена и его дальнейшие территориальные захваты. Подчинив Пруссию (1283) и аннексировав Гданьское Поморье (1308—1309), Орден приобрел важный геополитический плацдарм и стал доминирующей силой в Балтийском регионе. Не менее значительным фактором, прямо связанным с первыми, было формирование самостоятельного Литовско-Русского государства на территории восточной Литвы (Аукшайтии) и Черной Руси (Западной Белоруси). Агрессия меченосцев стала мощным катализатором этого процесса и в конечном счете привела к упадку Ливонского ордена и его инкорпорации в состав Тевтонского (1237). С этого времени важнейшим геополитическим приоритетом Ордена стал захват Жемайтии, который мог обеспечить территориальную целостность двух частей Орденского государства — Прусской и Ливонской, и дальнейшее продвижение в Балтийском ареале — в земли Польши и Руси.

Отношения между Польским королевством, Великим княжеством Литовским (ВКЛ) и Тевтонским орденом имели стратегический характер, поскольку от их развития во многом зависело будущее Центральной Европы. В эти трехсторонние контакты были втянуты и другие европейские государства — Священная Римская империя, Чехия, Венгрия, Русь¹.

Экспансия Тевтонского ордена, которая осуществлялась во всех формах (военная, политическая, религиозная), оказывала значительное влияние на внутреннее развитие Польши и Литвы. Она стала катализатором объединительного процесса в польских землях, не случайно начавшегося в Великой Польше, которая особенно остро ощущала орденскую угрозу, а также явилась одной из причин заключения Кревской унии (1385). Роль Тевтонского ордена в жизни обоих государств и развитии международных отношений в Центральной Европе в XV—XVI вв. с разной степенью полноты отражена в польских хрониках XV—XVI в.² Они являются довольно известными, но мало публикуемыми источниками. Отсутствие переводов на русский язык ограничивает их использование. При этом особого внимания заслуживают хроники первой половины XVI в., поскольку от этого периода до нас дошло ограниченное количество актового материала, а нарративные известия скудны и фрагментарны.

Среди целого ряда польских хронистов (Я. Длугоша, М. Меховского, М. Бельского, М. Кромера) — Бернард Ваповский (1450—1535), известный деятель польской науки. Круг его интересов был очень широк. Современники знали его как дипломата, юриста, астролога, историка, географа, картографа. С его именем связывают «золотой век» в развитии польской картографии, хотя его исторические труды не менее интересны³.

Бернард Ваповский принадлежал к шляхетскому роду, имевшему крупные земельные владения в Перемышле (Радохоньце и Ваповце) и делавшему карьеру на духовном поприще⁴. В 1493 г. Бернард, сын Станислава, поступил в Краковский университет и окончил его как «*doctor decretorum*», а затем учился в Болонском университете (1503—1505). Через год по поручению короля Сигизмунда I Старого (1506—1548) он направился в Ватикан, принял сан священника и стал камердинером папы Юлия II (1506—1515). Важной дипломатической миссией Б. Ваповского было содействие в получении согласия папы на немедленное подчинение Тевтонского ордена Польше, о чем свидетельствует письмо короля Ваповскому в Рим от 25 января 1513 г.⁵ В это время польско-тевтонские отношения были обострены, поскольку орденская дипломатия предпринимала усилия для возвращения территорий, утраченных по Торуньскому миру 1466 г. и даже требовала выплатить компенсацию за «пятидесятилетнюю польскую оккупацию» этих земель. Великие магистры как вассалы императора Максимилиана I (1508—1519) отказывались от оммажа польскому королю и по существу саботировали Торуньский договор. Кроме того, Максимилиан I начал создавать коалицию, направленную против Ягеллонов. В нее должны были войти сам император, великий магистр Тевтонского ордена, прусские города, Ливонский магистр и великий князь Московский.

В Риме Ваповский сблизился с польским послом Я. Ласким⁶ и оказывал ему значительную помощь в переговорах с папой. Заслуги Ваповского Я. Лаский подробно описывает в письме королю⁷. Дружеские отношения Ваповского и Лаского имели характер политического сотрудничества. Я. Лаский при польском дворе возглавлял шляхетскую партию, интересы которой Б. Ваповский отражал в своих произведениях⁸. В Риме он участвовал в издании труда Птолемея, заново обработал карту Центральной Европы, написал несколько литературных произведений, посвященных военным успехам Сигизмунда I, в их числе и знаменитую оду, прославляющую победу короля под Оршей в 1514 г.⁹

В 1515 г., вернувшись в Польшу, Б. Ваповский не без поддержки Я. Лаского был назначен на должность королевского секретаря, а в 1523 г. — краковского каноника¹⁰. Уже в преклонном возрасте, удалившись от двора (около 1533 г.), он по распоряжению Сигизмунда I начал работу над хроникой, но закончить ее не успел. 21 октября 1526 г. Б. Ваповский умер. Незавершенная латинская рукопись не была издана и исчезла при неизвестных обстоятельствах.

Уже в середине XVI в. сочинение Б. Ваповского знали польские хронисты М. Кроммер и М. Бельский. Последний во всех трех изданиях своей хроники (1551, 1554, 1564) указывал, что включил в свой труд если не всю, то значительный фрагмент хроники. Перед разделом, повествующим о происхождении польского и других славянских народов, он пишет: «*Rozzupa si Kronika Bernata Wapowskiego*». В примечаниях к тексту (в издании 1564 г.) Бельский отмечает, что «сам от себя я здесь ничего не пишу, только то, что в латинской рукописи». Видимо, как считают польские исследователи, имелась в виду рукопись Б. Ваповского¹¹. Если верить Бельскому, это и была первая (пусть опосредованная) публикация хроники Ваповского. Признать это можно лишь условно, так как невозможно определить, где у Бельского заканчивается компиляция из Ваповского и начинается самостоятельное изложение.

Следы рукописи Б. Ваповского обрываются на М. Кроммере, который также ознакомился с ее текстом при создании собственного труда. Польские историки¹² предполагают¹³, что используя рукопись, Кроммер уничтожил ее¹⁴. Доказательства того, что М. Кроммер знал сочинение Б. Ваповского, встречаются в самом тексте хроники М. Кроммера. Он упрекает Ваповского в том, что тот путает Днепр (у греческих и римских географов «Бористенес») с Березиной. В предисловии к изданию хроники М. Кроммера Р. Мархвиньский отмечает, что «Сведения по исторической географии Польши почерпнуты Кроммером у Б. Ваповского»¹⁵.

Впервые на это обратил внимание виленский каноник, историк и известный издатель Томаш Плаза в 1587 г. Собираясь опубликовать обе хроники (Б. Ваповского и М. Кроммера), Т. Плаза, несмотря на все старания, не смог отыскать рукопись Ваповского и получил только

ее фрагмент, присланный ему тем же Кромером. Этот фрагмент, охватывающий события с 1380 по 1535 г., и был издан Плазой как приложение к «Истории Польши» Кромера¹⁶.

Это была вторая публикация хроники Б. Ваповского. Она включала фрагмент, на котором, видимо, заканчивал свое заимствование М. Бельский. Т. Плаза снабдил издание предисловием, в котором с негодованием писал, что начало хроники Б. Ваповского вряд ли будет найдено. Прозрачно намекая на Кромера, он отмечал, как «бессовестно списывают историки друг у друга». Поэтому публикация Плазы, объединявшая оба текста (Кромера и Ваповского), вряд ли была случайной. Первая часть сочинения Ваповского, посвященная славянскому этногенезу и легендарному периоду славянской истории, до сих пор не найдена.

В 1846 г. польский историк М. Малиновский обнаружил часть хроники Б. Ваповского, охватывающую события с 1380 по 1528 г. Фрагмент найденного текста он перевел с латинского на польский язык и издал в Вильно под названием «История Польского королевства и Великого княжества Литовского»¹⁷. Качество перевода и само издание высоко оценивалось современниками¹⁸. Текст хроники был разделен по хронологическому принципу на 3 тома, включающих 9 книг, а разделы и сюжетные части были обозначены заголовками.

Перевод был осуществлен М. Малиновским с рукописи, на титульном листе которой в XVI в. стояло имя Бернарда Ваповского. Эта рукопись, по имени ее бывшего владельца, получила условное название «Рукопись Баворовского»¹⁹. Текст был написан *in folio* и насчитывал 1080 листов. Титульный лист не сохранился. Бумагу по водяным знакам можно разделить на два вида. С первого по 409-й лист на ней отчетливо просматривается топор, с 409 по 411 — крест, а дальше снова топор. Текст написан одним твердым почерком, который различается мелким и крупным написанием букв. Имеются сокращения, исправления и дополнения на полях. Кроме того, над текстом работала и другая рука, очевидно, редакторская, оставившая след в виде замечаний на полях. В основном редакция была политической и касалась изложения событий начала XVI в. Почерк редактора — остроконечный, наклонный, с характерными хвостами в заглавных буквах. Несколько страниц текста не сохранилось²⁰. Ныне «Рукопись Баворовского» хранится в Народной библиотеке Варшавы. В качестве приложения она издана вместе с исследованием Б. Беньковской²¹.

Сопоставление текста Б. Ваповского в издании Т. Плазы с «Рукописью Баворовского» позволяет заметить некоторые расхождения, на что и обращает внимание Б. Беньковская. Эти расхождения, а также различные хронологические рамки обоих текстов дают основание полагать, что в XVI в. существовало несколько списков хроники Б. Ваповского. Один из них известен как «Рукопись Баворовского», а по другому осуществил свое издание Т. Плаза. По всей вероятности, их можно считать вариантами сочинения самого Б. Ваповского²².

Хотя на титульном листе издания М. Малиновского отмечено, что в его переводе изложены события с 1380 по 1535 г., текст публикации завершается 1463 г. Остальная часть хроники осталась непереведенной. Ее в латинском подлиннике издал в 1874 г. польский историк И. Шуйский, сопоставив издание Т. Плазы с «Рукописью Баворовского»²³. Публикация И. Шуйского охватывает период с 1480 по 1535 г. При этом следует учесть, что текст с 1528 по 1535 г. является лишь переизданием Т. Плазы, поскольку поврежденная рукопись не сохранила соответствующего фрагмента. В то же время часть хроники, содержащая события с 1463 по 1480 г., не опубликована и сохранилась только в рукописи.

Публикуя хронику Б. Ваповского, И. Шуйский стремился сохранить максимальную близость к оригиналу. Поэтому он не разделял текст ни по хронологическому, ни по сюжетному принципу, а собственные редкие заголовки вынес на поля. Достоинством издания И. Шуйского являются приложенные к хронике Б. Ваповского извлечения из хронографов и летописей, освещающих события того же периода. В качестве приложения к изданию хроники польский историк опубликовал и другие произведения Б. Ваповского — стихи об Оршанской победе 1514 г., и приветственную речь, посвященную Сигизмунду I Старому.

Итак, к концу XIX в. историками была проделана значительная работа по публикации отдельных фрагментов хроники Б. Ваповского. Она могла стать основой для сводной научной публикации, но этого не случилось. Интерес к хронике иссяк, и ученые обратились к ней снова лишь через сто лет. В 1964 г. польский историк С. Грыгель предпринял попытку реконструкции утраченной части хроники, основываясь на сопоставлении заимствований из Б. Ваповского М. Бельским и М. Кромером²⁴. Однако аргументация автора, как и археографическая значимость публикации, во многом спорны. Лишь небольшие фрагменты из хроник названных авторов можно считать безусловно принадлежащими Б. Ваповскому. Наконец, в 1966 г. был издан еще один небольшой отрывок из хроники, содержащий события с 1516 по 1528 г. Ценность этой публикации, осуществленной Б. Беньковской, состоит в синхронном расположении текста Б. Ваповского и одного из его источников — хроники Эмерика Венгра²⁵.

Такова общая археографическая панорама изучения хроники Б. Ваповского. Ее история не имеет конца, поскольку не найдено начало повествования о доисторических временах славянства. Польские историки не прекращают поисков утраченной части хроники, высказывая предположение, что она может находиться в остатках библиотеки Варминьского епископства, разбросанных частью в Польше, частью в Швеции. Эти обстоятельства в значительной степени затрудняют использование хроники в качестве самостоятельного исторического источника, особенно важного для изучения всего правления Сигизмунда Старого.

Сводной публикации и полного перевода хроники до настоящего времени нет, что затрудняет ее использование. Кроме того, еще по оценке первых издателей труда (Б. М. Малиновского и Й. Шуйского) в историографии господствует мнение о том, что хроника Б. Ваповского имеет исключительно компилятивный характер, и ее значение как самостоятельного источника крайне ограничено. Так, описание событий 1380—1480 гг. основано в хронике Ваповского на «Анналах» Я. Длугоша²⁶; 1480—1506 гг. — на хронике Мацея Меховского²⁷; 1505—1516 гг. — на хронике Иоста Деция²⁸; 1516—1528 гг. — на хронике Эмерика Венгра²⁹.

Подобный подход породил довольно условное текстурально-хронологическое деление хроники Б. Ваповского на «длугошовую» и поддлугошовую» части. Из последней части наиболее ценным является фрагмент о событиях 1528—1535 гг., современником которых был сам хронист. Оно основано на документах королевской канцелярии, к которым Ваповский как королевский секретарь имел свободный доступ, и часть которых не сохранилась до наших дней, дипломатической переписке, свидетельствах очевидцев и участников событий.

Оценивая хронику Б. Ваповского в целом, следует заметить, что свойственная ей компилятивность являлась необходимым принципом создания исторических произведений в середине века, своего рода традицией, подчеркивающей широту осведомленности автора. В то же время степень и характер заимствований Б. Ваповского окончательно не выявлены. Тематическое построение хроники, отбор фактов и оценки событий, характеристики исторических деятелей нельзя понять, не учитывая идейной и политической позиции Б. Ваповского, его предназначения как первого в Польше королевского историографа.

Появление в Польше официального историографа и назначение на эту должность образованного дипломата и ученого, государственного секретаря, было закономерным и востребованным. После возвращения Гданьского Поморья (1466) Польша вступила в период экономического процветания и политического подъема. Под властью Ягеллонов находился крупнейший территориально-политический комплекс. Кроме Польши и ВКЛ представители дома Ягеллонов владели Чешским и Венгерским королевствами (1471—1526). Династические амбиции Ягеллонов находились в противоречии с геополитическими интересами Габсбургов.

Внешняя политика Сигизмунда I на западе была в целом успешной. Ему удалось противостоять антиягеллонской коалиции (Габсбурги, Дания, Москва), одержать победу в последней войне с Тевтонским Орденом (1519—1521) и после его секуляризации стать сюзереном Прусского герцогства (1525). Эти события вызвали изменение векторов и приоритетов внеш-

ней политики Польского королевства. Во многом оно было связано и с тем, что польский король одновременно являлся великим князем литовским. Внешнеполитическое положение Литвы осложнялось территориальными притязаниями Российского государства. Иван III многократно давал понять, что считает западные земли, входящие в состав Великого княжества Литовского (далее ВКЛ. — Л. М.), своей «отчиной» и «дединой». С конца XV в. тянулись почти непрерывные московско-литовские войны. После потери такого важного стратегического пункта как Смоленск Польша, обеспокоенная продвижением московских границ на запад, начинает активно помогать Литве, и в битве под Оршей (8 сентября 1514) русские войска были разбиты. Б. Ваповский не случайно отметил: «Я пишу историю королевства, искалеченного, обиженного, притесненного с восточной его стороны»³⁰. На южных границах Литвы темнели орды крымского хана. Таким образом, идея унии Польского королевства и ВКЛ в первой трети XVI в. приобретала новые обоснования в сфере внешней политики обоих государств. Эту идею, сознательно или неосознанно, развивал Ваповский в своей хронике.

Если Я. Длугош очень сдержанно оценивает Кревский договор и выступает противником унии, считая, что за нее «...справедливый бог покарал поляков королями, которые более заботились о Литве, чем о Польше», а Ягайло — «человек неглубокого ума и небольших способностей», то Б. Ваповский оценивает унию иначе. Он преподносит ее как событие, предопределенное свыше, «пересечением двух далеких блуждающих светил» и заключенное «к огромной радости и веселью народов»³¹. В его трактовке уния выглядит не как династический акт, а как межгосударственный политический союз, в котором ВКЛ нуждалось гораздо больше, чем Польша. Были и другие факторы, влиявшие на формирование направленности сочинения Б. Ваповского. В XVI в. в польской литературе и культуре развивается идеология «сарматизма» как основы идейной общности государства Ягеллонов. Этому способствовала и общая система образования, и участие представителей литовских и русских элит в институтах шляхетской демократии. Культурное и идейное сближение позиций правящих слоев в Короне и Княжестве на основе идей «сарматизма» и общих культурных ценностей стало концептуальной основой изложения материала Б. Ваповским³².

Информация, собранная и систематизированная Б. Ваповским, способствовала формированию общей идентичности различных по языку, вере и традициям народов Польши и ВКЛ. Подобная тенденция хроники наложила отпечаток и на оценку событий, которые рассматриваются сквозь призму польско-литовского государственного союза. Отсюда — те ощутимые различия в отборе и направленности изложения фактического материала, которые мы находим в произведениях Б. Ваповского и его предшественников.

Подчеркнем, что в то время, когда Ваповский начинал работу над хроникой, унитарные отношения Княжества и Короны были далеки от первоначальной программы инкорпорации Литвы, обозначенной в 1385 г. в Крево. Соглашение 1532 г. было в сущности военно-политическим союзом двух государств. Поэтому хронист стремился подобрать факты, которые доказывали необходимость и неизбежность политического объединения Польши и ВКЛ. Такую информацию предоставляла общая борьба Польши и ВКЛ с агрессией Тевтонского ордена. Она давала материал для рассуждений о пользе польско-литовского государственного союза. Поэтому две темы — уния Польши и Литвы и борьба с крестоносцами проходят через все сочинение Ваповского, а их изложение взаимосвязано и взаимообусловлено.

Уже после первого издания хроники Б. Ваповского историки понимали, что она является важным источником по истории польско-литовско-орденских отношений³³. Сам издатель хроники, Й. Шуйский в предисловии отмечал, что в изложении сведений об Ордене Ваповский не был простым компилятором Я. Длугоша и «корректировал его по «Хронике конфликта»³⁴. Такого же мнения придерживаются и современные историки³⁵. Таким образом, хроника Ваповского не получила исчерпывающей оценки ни как исторический источник, ни как памятник польской историографии. В отечественной историографии хронике Ваповского

посвящено несколько исследований, которые имеют довольно общий характер³⁶, а другие во многом устарели как в историографическом, так и в методологическом контексте³⁷.

Учитывая пристальное внимание Б. Ваповского к взаимоотношениям Польского королевства, ВКЛ и Тевтонского ордена, мы предлагаем вниманию исследователей фрагменты хроники, которые им посвящены, пропуская другие сюжеты. Данная публикация начинается изложением событий гражданской войны в ВКЛ, в которую активно вмешивались крестоносцы, и заканчивается известиями об отношениях Польши и Литвы с Орденом в 1408 г., накануне Великой войны 1409—1411 гг. Фрагменты хроники Б. Ваповского в переводе на русский язык публикуются впервые. Перевод выполнен с издания М. Малиновского с сохранением его заголовков, ремарок и нумерации страниц. Сохранившаяся часть хроники начинается 1380 г., и уже на первых страницах мы встречаем известия об Ордене. Хронист сообщает о династической борьбе в ВКЛ, развернувшейся после смерти Ольгерда.

Л. Л. Михайловская, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Т. 1. КНИГА ПЕРВАЯ

<С этой фразы без заголовка начинается текст летописи>*

С. 1. Год 1380. Ольгерд умер. Кейстут сдержал данное слово, и Ягайло после смерти отца вступил на великое княжение³⁸.

Раздоры Ягайло с Кейстутом (1380)³⁹

С 2. Дядя Кейстут сохранил по отношению к нему такое же почтение и уважение, какое он привык оказывать его отцу Ольгерду. Он часто бывал в его столице, заседал в раде и искренним словом помогал подобающему управлению государством. Однако его безупречная верность была вознаграждена черной неблагодарностью. Еще при Ольгерде был некий человек по имени Войдыло, низкого и незнатного происхождения, который раньше был пекарем, потом камердинером и дошел, наконец, до чина чашника. Своими услугами и ухаживаниями он так угодил Ольгерду, что среди дворян по отношению к Ольгерду он занимал первое место. После его смерти он подался ко двору Ягайло, у которого пользовался такой же, или даже большей, чем у отца популярностью, так что [Ягайло] ни в общественных, ни в домашних делах без его одобрения ничего не предпринимал. Наконец, собственную сестру Марию отдал ему в супруги.

Возмутило Кейстута такая привязанность племянника к отцовскому невольнику, он ведь порицал этот поступок. По этой причине Войдыло был ужасно обижен на Кейстута. Ягайло тайно подстрекал против него и, пробудив между ними взаимное недоверие, склонил его к

* *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego, od roku 1380 do roku 1535, przez Bernarda z Rachtałowicz Wapowskiego, ze świeżo odkrytego społecznego rękopisu, z języka Łacińskiego na ojczysty przetłumaczył, przypiskami objaśnił, poczet rzeczy i osób dodał Mikołaj Malinowski. W Wilnie, nakładem i czczeniem T. Glücksberga, księgarnia i typografia szkół Białoruskiego naukowego okręgu. Wilno, T. I—III. 1847—1848. T. I — 1847. 491 s.*

намерению любыми способами избавиться от своего дяди, а также упредить происки и козни против себя.

Соглашение Ягайло с крестоносцами (1380)

С. 3. Чтобы это легче осуществилось, Ягайло через тайных послов заключил мир с прусским и ливонским магистрами⁴⁰. Чтобы лучше скрыть ведущиеся приготовления к войне, он посылает своего брата Скиргайло⁴¹ против полочан, вышедших из повиновения, производит набор в войско русских и литовцев и просит о помощи ливонского магистра. Полоцк осадили так, чтобы сразу после его взятия повернуть оружие против Кейстута, троцкого князя. Но Суденштейн, командор Остроды, из-за духовного родства между ним и князем Кейстутом (он был крестным отцом его дочери, выданной позже за Януша, князя мазовецкого), открыл перед ним все намерения Ягайло, предупредил о грозящей опасности и для доказательства прислал письма, написанные Ягайло магистру Ордена.

Кейстут берет Вильно (1381)

С. 4. Князь Кейстут, возмущенный задуманным покушением на свою жизнь и власть, как можно быстрее собирает войско и направляет гонца к Витовту, находящемуся в Дрогичине, чтобы тот собрал побольше сил и сейчас же направился к нему, а сам столицу Вильно и замок захватил неожиданным нападением. Великого князя Ягайло захватил в плен, но по просьбе Витовта, который вскоре подоспел, сохранил ему жизнь, отдал ему Витебск и Крево, а Войдылу, швагра Ягайло, как причину этих злодейств, приказал повесить. К войску, которое находилось под Полоцком, послал гонца [с приказом] прекратить осаду и соединиться с ним. Узнав об этом, командующий Скиргайло хотел с магистром удрасть в Ливонию на добровольное изгнание. Кейстут, взяв верховную власть в Литве, изгнав Ягайло из столицы, взяв под свое подчинение Вильно и Троки, два крупнейших города в Литве, решил подчинить себе других строптивых литовских князей.

Ягайло возвращает власть (1382)

С. 5. Своего сына Витовта поставил с гарнизоном около Вильно и Трок, а сам с главным войском пошел за Днепр и стал тревожить войной Новгород-Северский и князя Корибута⁴². Этот город лежит на восток от Вильно около 125 миль. В то время как здесь борьба идет с переменным успехом, а Корибут, опираясь на помощь татар и собственную смелость, выдержал нападение Кейстута, Ягайло в другой части Литвы, показывая мнимое желание прибыть с военными подкреплениями в лагерь Кейстута, через тайных посредников великими обещаниями склоняет на свою сторону жителей Вильно и с их помощью овладевает не только городом, но и замком⁴³.

Тем временем, согласно договору, от прусского и ливонского магистров на помощь Ягайло прибыли вооруженные отряды⁴⁴. Воодушевленный этими подкреплениями, Ягайло решил взять Трокский замок. Решившись с этими подкреплениями взять Трокский замок, расположил лагерь на расстоянии одного дня пути до Вильно.

Мнимое соглашение в[еликих] князей (1382)

С. 6. В этой крепости с мощным гарнизоном находился Витовт. Узнав, что неприятель силен и приближается, Витовт, оставив достаточно сил для обороны, сам с одним полком двинулся к Гродно и выслал вперед гонцов к отцу с известием обо всем, что произошло. Ягайло после недолгой осады взял Трокский замок, а Кейстут, получив тревожную весть, оставил северскую землю и спешно направился в Гродно с войском, которое находилось при нем. Убедившись, что силы противника увеличены немецкими подкреплениями, отослал жену в Брест, на границу с Польшей, а сам поехал на Жмудь, чтобы собрать силы. Витовт же

призвал к оружию население по Нареву и Бугу и вместе с ними под Ковно, где Вилия впадает в Неман, соединился с отцом. Тем временем Януш, мазовецкий князь, пользуясь взаимными распрями между литовскими князьями, захватил замки Дрогичин и Мельник, расположенные над Бугом, опустошил всю местность между Бугом и Нарвой около Сурожа, Бельска, Каменца и Бреста, где находилась тогда его свекровь, и обогащенный большой добычей, вернулся назад.

Когда Кейстут, соединив свое войско с Витовтом, подступил под Троки и расположил лагерь против неприятеля, Ягайло, собираясь уже отдать приказ к бою, пожалел проливать литовскую кровь, которая разлилась бы широко, если бы дошло до битвы, в случае поражения любой из сторон.

С. 7. Он вызвал через посла Кейстута на переговоры, ведь можно прекратить вражду на выгодных условиях. В память о старой дружбе и приятельских отношениях он просил Витовта склонить отца к миру и пригласил в свой лагерь, где в совместной беседе можно прийти к справедливому соглашению. Витовт после длительного совещания с отцом ответил Ягайло через посла, что если он пришлет своего брата Скиргайло в качестве заложника, то он прибудет в лагерь для заключения мира. Ягайло, достаточно подумав, для спокойствия Кейстута отправляет Скиргайло, в это же время и Витовт прибывает в шатер к Ягайло.

Убийство Кейстута (1382)

После напряженных переговоров пришли к следующему: Кейстут оставляет Скиргайло в своем лагере в качестве заложника для подтверждения уже почти заключенного соглашения под свое торжественно данное честное слово и отправляется в лагерь Ягайло. Кейстут желал мира и не надеялся решить все вопросы в сомнительной борьбе. Подстрекаемый просьбами Скиргайло и Витовта, не думая о малейшей измене, он прибыл вместе с сыном Витовтом в лагерь Ягайло. Но как только предстал перед ним, Ягайло, изощренный в изменах крестоносцев, которые являлись его основной силой, приказал страже окружить Кейстута и Витовта и, несмотря на их призывы к богу и к людям как свидетелям оскорбления, заковать в цепи. Витовт под усиленной стражей был отправлен в Вильно, а князь Кейстут, скованный цепями, был отвезен в Крево.

Витовт бежит из заключения (1382)

С. 8. Там, брошенный в темницу, через пять дней был задушен подосланными палачами, точнее Прокшей⁴⁵, чашником Ягайло. Его войско, утратив предводителя, разошлось по домам.

Останки Кейстута князь Скиргайло привез в Вильно, на место погребения предков, где они были сожжены по языческому обычаю с великими почестями при большом количестве народа. Оружие, коней, собак, богатую одежду — все, что было в его жизни наилучшего — все бросили в костер. Прусский магистр, князя и знатные литвины никакими просьбами не могли склонить Ягайло вернуть Витовту свободу, ведь он был человеком незаурядного ума и выдающихся способностей. Ягайло же, распространив свою власть на новые области Литвы, приказал покарать виновников смерти Войдылы. По этому приказу Видемунт, дядя Виганда и Бутрым, муж сестры Войдылы, были привязаны к колесам и растоптаны конями, а других покарали горлом⁴⁶.

Витовт со своей женой Анной был осужден на заточение в Кревском замке. Витовт — в комнате, а Анна жила в замке свободно. Каждый вечер она в сопровождении двух служанок могла входить к мужу и каждое утро, когда вставало солнце, могла выходить.

«Объединяется с крестоносцами»

С. 9. Эти частые посещения привели к тому что стражники у дверей без всякого сомнения позволяли Анне входить и выходить со служанками. Анна, беспокоясь о жизни и свободе

мужа, уговаривает его, чтобы он, взяв одежду одной из служанок, оставшейся в комнате, вышел с княгиней из комнаты. Следуя этому замыслу, Витовт в заброшенной и скрытой от глаз людей части замка по веревке спустился со стен и окольными путями добрался до Мазовша, к мужу своей сестры князю Янушу. Однако он не осмеливался там долго гостить, чтобы Ягайло не успел опомниться и потребовать его выдачи, он укрылся у прусского магистра Конрада⁴⁷. Радужно принятый, хотя и мягко отчитанный, Витовт не рассчитывает на помощь Конрада и отправляется на Жмудь.

Своим народом он был встречен с невыразимой доброжелательностью, большим почетом и радостью — к чести памяти отца и в блеске собственного имени. Здесь Витовт решил немного задержаться, а затем снова начал собирать войско, в чем магистр Прусского ордена не только всемерно ему помогал, но и решил поддержать его всей мощью Ордена, так как был обижен на Ягайло за то, что он никак не мог или не хотел выполнить свои обещания, данные Ордену за военные подкрепления⁴⁸.

С. 10. Анна, жена Витовта, редкий образец женщины, заслуживает того, чтобы память о ней сохранилась в потомстве, освобожденная из заключения, направилась сначала в Пруссию, где в то время находился ее муж, а позднее на Жмудь. Однако подробный рассказ о событиях в Литве занимает нас уже долгое время, пора обратить перо к польским делам <...>

Далее Б. Ваповский сообщает о борьбе за трон в Польше после смерти короля Людовика Венгерского (1382) и гражданской войне между Наленчами и Гжималитами. В эти события вмешивается и Ягайло.

Литвины осаждают Дрогичин (1383)

С. 41. Ягайло, великий князь литовский, видя польское королевство охваченное гражданской войной и взаимными раздорами, собрав войско, осадил замок Дрогичин, расположенный над берегом реки Буг, в то время находящийся во владении мазовецкого князя. Управлял там Сасин, маршалок мазовецкого князя⁴⁹, который, видя, какой слабый оставлен гарнизон, тревожась о безопасности крепости, с тремястами копийников и шестьюдесятью стрелками, узнанный своими издали, устроил резню в самом центре неприятельского лагеря, смело вернулся к замку и стойко его защищал частыми вылазками, такими далекими, что великий князь литовский Ягайло, утратив надежду взять замок, уже планировал отход, когда неожиданно появилась возможность взятия этой крепости. В замке находились невольники литовцы, которые темной ночью одного из своих спустили на веревке с крепостных стен к Ягайло, советуя, чтобы он начал упорно штурмовать замок, они же обещают, что когда битва начнется около рвов, они тотчас же подожгут противоположную сторону замка, чтобы Сасин, подвергнутый двойной опасности, быстрее сдался.

С. 42. Похвалив и одарив невольника, Ягайло на рассвете со страшным шумом подступил под стены и с величайшим натиском ударил. Огонь, увиденный с тыла, испугал осажденных, а Сасин, послав часть сражавшихся на тушение пожара, обессиленный, когда отсюда напирал неприятель, а оттуда близился огонь, когда многие погибли от оружия и от огня, отправил к Ягайло посла и засвидетельствовал готовность к сдаче. Князь литовский, овладев замком и погасив пожар, приказал восстановить замок⁵⁰.

Крестоносцы занимают и теряют Троки (1383)

С. 42. Когда Ягайло был занят осадой Дрогичина, Конрад Цёлльнер, прусский магистр, вторгся с войском в Литву и взял Троки, добровольно сложившие оружие, так как эта крепость много раз подвергалась осаде и была так сильно повреждена, что в скором времени должна была быть взята.

Дрогичин был уже взят, когда к великому литовскому князю прибыл гонец с вестью об этом поражении. В это время прусский магистр, совершивший тяжелые опустошения, оста-

вил в Троках часть войск для ремонта замка и его обороны, а сам вернулся домой. Ягайло, предупреждая укрепление этой крепости, не давал неприятелю ни минуты отдыха и неустанно осаждал Троки, не взирая на свои огромные потери. Поэтому упорство крестоносцев было сломлено⁵¹. Так великий князь Ягайло, прославив свое имя и среди своего народа, и среди других, стал знаменитым <...>

Далее следует подробный рассказ о подготовке и заключении Кревской унии. Дальнейшие известия об Ордене генетически связаны с этими событиями.

Нападение крестоносцев на Литву (1386)

С. 69. Вскоре (после заключения унии. — *Л. М.*) пришла неожиданная весть, что Конрад Цёлльнер с двумя армиями вторгся как неприятель в Литву и Жмудь и опустошил все огнем и мечом. Кроме того, брат короля Владислава Андрей, пользуясь его отсутствием, задумал сменить власть и, войдя в соглашение с Конрадом, с его помощью надеялся захватить Великое княжество Литовское⁵². Уже крестоносцы взяли штурмом замок Лукомль, а Полоцк, занятый в результате сдачи, отдали князю Андрею. Встревоженный этими неприятностями, Владислав быстро отправляет в Литву своих братьев — Скиргайло и Витовта, дав им несколько польских конных полков с приказом литвинов, жмудинов и русских призвать к оружию, дать неприятелю отпор и вернуть потерянные замки. Прибыв в Литву, они нашли, что крестоносцы уже с трофеями возвратились.

С. 70. Все же они взяли Полоцк и другие замки, занятые Андреем, в которых он поставил свои гарнизоны. Князя Андрея, который осмелился вступить с ними в битву, они победили, и захваченный в плен, он заплатил за свое выступление тремя годами заключения в Хенцимском замке <...>

Бегство Витовта в Пруссию (1390)

С. 89—90. В то время как король Владислав был занят улаживанием польских дел, Литву начали сотрясать внутренние конфликты. Были в этом крае две группировки, которые создали разницу в вере и обрядах. Литвины держались римского исповедания, русины сохранили греческий обряд. В единодушии с ними был и Витовт. Князь Скиргайло, который по распоряжению короля был назначен наместником в Литве, по его воле принял римскую веру. Отсюда начала расти взаимная ненависть⁵³. Скиргайло начал тайно плести интриги против Витовта, чтобы его каким-либо средством извести. Вскоре Витовт понял, что открытыми действиями он не может избежать опасности и при этом видел, что король Владислав относится к нему не очень доброжелательно по причине различных подозрений. Замки Брест, Каменец и Гродно он усилил своими гарнизонами и, уклоняясь от неизбежной опасности, покинул Литву и подался к мазовецким князьям. А когда они, опасаясь короля, приняли его очень холодно, он направился к прусским крестоносцам. Великий магистр принял его радушно. А когда рассказал о причине своих скитаний и просил о помощи в овладении Литвой, магистр и Орден дали ему добрую надежду. Однако, опасаясь королевского могущества, и не смея причинить ему ничего плохого, долго держали его у себя. Витовт тем временем научился немецкому языку. Однако после долгого ожидания помощи, поняв, что его только обманывают обещаниями, через тайных послов объединился с королем Владиславом, получил от него надежду на управление Литвой и намек на то, что Скиргайло будет лишен наместничества.

Мгновенное возвращение в Литву (1390)

С. 91. Тем временем Владислав, опасаясь, чтобы из-за этих распрей между литвинами и русинами Великое княжество Литовское не постигло какое-либо несчастье, послал Миколая Москожовского, подканцлера коронного с [пешими] отрядами и несколькими конными

полками для управления замком и городом Вильно после лишения власти Скиргайло. Витовт, ободренный королевской милостью, узнав, что его противник пострадал, сжег и разрушил Юрборг и два других замка, в которые доверчивость крестоносцев ему открыла свободный доступ (стража гарнизонов была убита или сброшена с крепостных стен).

После опустошения этой части Пруссии, которая тянется от Рагнеты, прибыл в Литву с пленными и добычей. Однако он был принят здесь не так мило, как ожидал. Король Владислав, который обещал ему высшую власть, обещания не сдержал. Тогда Витовт решил действовать силой и изменить взятый Виленский замок. Была зимняя пора, в замке должна была состояться свадьба сестры Витовта. Используя эту возможность для захвата замка, он приготовил множество возов, в которых укрыл вооруженных людей. Сверху он прикрыл их звериными шкурами и послал якобы в подарок сестре, проживающей в замке. Несомненно, этой хитростью он бы добился своего, но когда возы остановились перед воротами, хитрость была раскрыта. Из-за этого Витовт навлек на себя еще больший гнев короля Владислава.

С. 92. Спасаясь от него, он со своей женой и приближенными снова бежал в Пруссию, где принял в дар от магистра Ордена замки Биттерведер, Нойгарде и Меттембург. Отсюда он постоянными нападениями в течение двух лет тревожил Литву и с помощью магистра Прусского ордена нанес литвинам много поражений. Витовт громил Литву не только из Пруссии, но и из Бреста, Каменца, и Гродно — замков в Литве, где он держал свои гарнизоны.

Поход Ягайло в Литву (1390)

С. 92. Обеспокоенный этими поражениями Литвы, король Владислав, собрав войско из поляков и литвинов, осадил Брест и взял на десятый день от начала осады. Вскоре большую часть польского войска отослал домой из-за нехватки еды и пастбищ, дело было в месяце феврале. Хотя все еще было покрыто снегом и льдом, однако с оставшимися отрядами он подступил к Каменцу и взял замок с первого штурма. Подойдя к Гродно, он вынужден был потратить больше сил и труда, потому что подступы к замку защищала река Неман, а приближающаяся весна растопила снега и льды и затрудняла переправу. Все же Владислав перешел реку под самым замком и расположил свой обоз. Витовт также не тратил времени даром. Обеспокоенный опасностью, угрожавшей этой основной и значительной крепости, он понимал, что с ее утратой ему уже ничего не останется в родной Литве. С большим войском крестоносцев он расположил лагерь на противоположном берегу реки и старался пробиться к замку, чтобы помочь его защитникам. От своих шатров до самого замка он протянул железную цепь и, привязав к ней лодки, хотел соорудить наплавной мост, но усилия были напрасны.

С. 93. Королевские солдаты пускали по реке большие деревья и другие тяжелые предметы, которые разрывали и цепь, и мост. Много вительдовских стражников, охранявших переправу, погибло. Король начал так настойчиво осаждать замок, что Витовт, потеряв уверенность в себе, отступил с войском в Пруссию. Владислав же взял замок после сдачи гарнизона, почти полностью истребленного <...>

Великое нападение на Литву (1390)

С. 94. Король Владислав, кое-как устроив дела, вернулся вскоре в Польшу. Как только он уехал из Литвы, Витовт снова начал помышлять о войне. Великий магистр Прусского ордена, видя, как сильно он оскорбил могущественного короля, не уверенный в собственных силах, разослал послов в Германию, Англию, Францию, чтобы склонить эти могущественные королевства к войне против литвинов. Ливонскому магистру приказал в назначенное время явиться на помощь со всеми силами. Из Франции и Германии прибыли большие войска под предлогом защиты Прусского ордена и заботы о распространении веры. Из Англии в гданьский порт на судах прибыла многочисленная пехота под предводительством графа Ланкастера, старшего сына короля Генриха.

Осада Вильно (1390)

С. 95. Вся Пруссия была занята приготовлениями к войне, а когда уже все, как казалось, было готово к выступлению и когда западные солдаты не могли далее терпеть промедления, магистр Прусского ордена с тремя армиями вступил в Литву. Одним соединением, состоящим из англичан, французов, немцев командовал сам, другим — ливонский магистр, третье было под командованием Витовта. В последних днях июня неприятель стал под Ковно, где войскам, измученным долгой дорогой, было дано несколько дней для отдыха. Они прошли в пышных празднествах, за веселыми кубками. Вскоре обоз двинулся к Трокам. Замок был взят первым же приступом и вместе с городом разрушен и сожжен. Затем они направились в столицу княжества — Вильно. Во-первых, начали штурмовать замок, названный Кривым, который по приказу короля защищал гарнизон из литвинов и русских. Среди них находилось много и таких, которые приняли решение помочь Витовту и подожгли замок. В нем было 14 000 человек. Они метали дротики и камни и отлично защищались. Но увидев, что подожженный замок горит, охваченные страхом, что могут погибнуть в пожаре, выбрались из замка и через неприятельские заграждения пробились на открытое поле, где много их погибло от вражеского меча, а многих поглотил огонь.

Мужество поляков при обороне Вильно (1390)

С. 96. В это время брат короля Казимир⁵⁴ попал в руки осаждающих замок. Они отрубили ему голову и, насадив ее на копье, выставили на видное место для устрашения гарнизона, находившегося в Верхнем замке, принуждая его к добровольной сдаче. Если же сдаваться не хотят, взятые штурмом, познают ужасные мученья. В замке с Миколаем Москожовским, коронным подканцлером, был сильный гарнизон, который не поддавался угрозам крестоносцев и был готов к отпору. Когда магистр Прусского ордена убедился в полной невозможности переговоров, и когда его подстрекали оскорблениями и пренебрежением, он впал в бешенство и начал непрерывно штурмовать замок. Он приказал пустить в ход все орудия и все снаряды. Ими он крошил мощные стены замка, так что на расстоянии полета стрелы все было в руинах, все сравнялось с землей. Поляки, находившиеся в замке, хотя и были опечалены, придавали друг другу мужества и решили держаться до последнего. С неслыханной скоростью из толстых бревен они возводят стены и зубцы крепостных стен. Из-за них защищают замок и дают отпор крестоносцам. Битва была не на жизнь, а на смерть, много полегло с обеих сторон. В ней проявилось мужество Миколая Москожовского. Князь Скиргайло со своим отрядом защищал Нижний замок, расположенный там, где сливаются Виля и Вильна и где находится главный костел Святого Станислава.

С. 97. Он оборонял его с большим мужеством, осуществлял частые набеги на неприятельские позиции и, залитый вражеской кровью, всегда возвращался с победой.

Отход крестоносцев из-под Вильно (1390)

С. 97. Князь Наримунт, схваченный в одной из вылазок Витовтом, был повешен за ноги на дереве и расстрелян из лука⁵⁵. Три месяца длилась эта осада и закончилась великим поражением прусского войска. Наконец магистр Ордена, который начал осаду замков, свернул лагерь, опустошив значительную часть Литвы, учинив кровавые злодеяния среди литовских крестьян, убивая без разбора и детей, и взрослых, вернулся обратно в Пруссию. После его ухода возле обоих замков были такие горы мертвых тел, что псы и волки привыкли к поеданию трупов и потом нападали на путников и раздирали их.

Во время этой осады погиб граф Альгард фон Гогенштейн и много других знаменитых рыцарей французских, немецких и английских и военачальников прусских. Из литовских — брат Витовта Товтивилл⁵⁶ был убит снарядом. Такие дела происходили в этом году в Литве.

Прибытие Ягайло в Литву (1390)

С. 98. В это время король Владислав, желая поправить состояние дел в своем родном краю, приготовив в большом количестве оружие, и припасы, метательные машины, сукна направился с этим в Литву. Прибыв в Вильно, он раздал награды солдатам, которые мужественно защищали город, отдал приказ чинить замки. Миколай Москожовский добровольно сложил с себя командование гарнизоном и на его место был назначен Ян Олесницкий из благородного польского рода Дембно⁵⁷. Князя Скиргайло послал править в Киеве, столице Руси. Так, уладив дела в Литве, Владислав Ягайло вернулся в Польшу, а в Великое княжество послал еще несколько конных полков в помощь.

Крестоносцы снова терзают Литву (1391)

С. 99. Когда закончилась зима, ранней весной прусский магистр⁵⁸ вместе с Витовтом снова нападают на Литву в надежде, что в результате какого-либо предательства захватят Виленский замок. Для них не было тайной, что свои сильно ненавидели Скиргайло⁵⁹.

Вильно защищено поляками (1391)

С. 100. Королевский староста Ясь Олесницкий перед приближением неприятеля сделал все, что мог, чтобы выдержать осаду. Город Вильно намеренно сжег, чтобы он не стал укреплением для врага. Замок окружил стенами с подпорками и рвом, чтобы создать врагу больше трудностей. При первом появлении неприятеля Ясь с двумя конными полками выезжает из замка и мужественно сходит с ними. Однако при численном превосходстве [врага] он отходит со своими в более безопасное место у стен и смело защищается.

Витовт с магистром Ордена в надежде овладеть замком, узнав от пленников об отсутствии Скиргайло, у которого отобрали власть, уже не мог рассчитывать на его предательство и, потратив несколько дней на осаду замка, повернул к Вилькомиру и Новогрудку, небольшим замкам Скиргайло. И хотя в них были польские гарнизоны, хотя они защищались с большим мужеством, они были взяты неприятелем, превосходящим в численности, людях и артиллерии.

Многие из поляков, взятых в тех замках, семь лет провели в прусском Элбленге в тяжелой неволе. Замки эти разграбили и подожгли, откуда войско вернулось назад в Пруссию. Но Витовт, упросивший великого магистра Конрада оставить в его распоряжении войска, которые были в подчинении Маркварта⁶⁰, великого командора Ордена, в этом же году два раза напал на Жмудь, сжег Медники и Вельшу, опустошил далекие окрестности и с пленниками и добычей, не встречая сопротивления, со всем войском двинулся в Пруссию.

Крестоносцы возобновляют нападение (1391)

С. 101. Уже наступила зима и литвины надеялись, что в это тяжелое время их покой не нарушат, тем временем великий магистр Ордена Конрад и князь Витовт, подготовив войско, вступили с оружием в Литву, осадили Ковно, где был королевский гарнизон. Но сомневаясь, что в скором времени возьмут эту крепость, так как солдаты гибли от морозов, соорудили над рекой Неманом три замка — Нойгарде, Меттембург, Риттерведер. Этот последний был отдан Витовту и его солдатам, два других Конрад укрепил своим гарнизоном.

Из этих мест Витовт частыми нападениями тревожил литвинов. Не стерпел этого своевольства Витовта Ясь Олесницкий, королевский староста, который наскоро собрал войско из поляков, русинов и литвы и отдав его под управление князя Вигунда⁶¹, брата короля, начал штурмовать Риттерведер и едва не взял эту крепость, к Ковно направил несколько полков конницы, чтобы прекратить своевольные наезды Витовта. Таково было положение дел в Литве⁶².

Витовт сближается с Ягайло (1392)

Когда в Мазовии умер плоцкий епископ Сцибор, на его место был назначен плоцкий приходской священник Генрих, который до этого был диаконом, побочный сын мазовецкого князя. Он, возгордившись саном, два года управлял костелом. В то же время названный Генрих заключил мир между королем Владиславом и князем Витовтом, к которому часто ездил, и от Витовта получил в супруги сестру Рингаллу, с которой, недолго пожив, был отравлен, о чем его бесстыдная супруга была осведомлена

С. 102. Король Владислав, когда еще продолжалась война с Витовтом, послал из Польши на помощь солдат, одежду, зерно, соленое мясо. Такая нехватка всего была в Литве, что польские солдаты все до одного сбежали бы из этой земли, если бы король своевременно не подкрепил пропитанием. Из-за частых нападений Витовта и крестоносцев все поля лежали заброшенные, повсюду недостаток упряжи и скота.

Смерть Вигунта (1392)

С. 103. В Литве князь Вигунд, брат короля, вследствие родственной измены, погиб, как говорили повсюду, из-за яда по вине Витовта. Он был похоронен в том же склепе, что и брат его, которого Витовт, повесив, расстрелял из лука⁶³. Из всех братьев Владислав сильнее любил Вигунда и дал ему владение в королевстве — Бьдгощ и Иновроцлав.

Витовт возвращается в Литву (1392)

С. 104. Король Владислав, осиротев после смерти любимого брата Вигунда, начал думать об объединении с Витовтом. Это дело он передал плоцкому епископу Генриху, который в это время добивался руки Рингалы, сестры Витовта и под предлогом желанного супружества без малейшего препятствия со стороны крестоносцев часто ездил к Витовту. Поверив в искренность стремления короля к соглашению и его милость, Витовт ограбил и поубивал крестоносцев и немецких купцов, находившихся с ним в замке Риттерведер, а затем неожиданно поджег замок. Военачальники двух других ближайших замков, догадываясь о вероломстве и о бегстве Витовта, собрав сколько могли солдат преградили дорогу оружием. Однако Витовт в короткой речи воодушевил своих и напал на неприятеля, разбил наголову и, наступая бегущим на пятки, врвался в замки, крестоносцев всех до одного поубивал, замки ограбил сжег.

С. 105. После этой победы Витовт прибыл в Вильно и был с почетом принят Яськом Олесницким, который был предупрежден королем о его прибытии.

Ягайло прощает Витовта (1392)

С. 105. Король Владислав, осведомленный о возвращении Витовта, в середине лета выехал в Литву вместе с Ядвигой. Витовт встретил их у Острова с виноватым видом, с запущенной бородой, в неопрятной одежде и упав ничком на дорогу, молил о прощении, которое сразу же получил. А король, уволив Ясько Олесницкого от власти и отстранив своих четырех оставшихся братьев, отдал всю Литву Витовту с условием: чтобы ему и Польскому королевству всегда подчинялся и помогал против любого врага. Витовт, принеся желанную для короля присягу, до конца жизни нерушимо ее соблюдал и по мере своих сил старался отблагодарить найяснейшего короля предупреждением о любой опасности, грозившей королю, так неожиданно оказавшему милость⁶⁴.

Правление [Витовта] отданным ему краем было счастливым. Неустанным старанием он укрепил его военную мощь и так далеко и широко продвинул литовские границы на Русь, что ни один из князей не превзошел своими победами его славу, никто из потомков даже и в наше время не оставил такой цветущий и могучий край.

Эта милость короля Владислава по отношению к Витовту, который столько раз был назван врагом отчизны, который принес ей столько несчастий, до такой степени разъярила других королевских братьев, что **Болеслав** Свидригайло, став врагом короля, пошел на Литву войной⁶⁵.

Книга 2. Нападение крестоносцев (1392)

С. 106. Король Владислав, поручив Витовту, литовскому князю управление Литвой, в 1392 г. некоторое время провел в Вильне, а потом уехал с королевой в Польшу. Крестоносцы же, вскоре узнав об отъезде короля, собрав войско под предводительством Энгельхарда⁶⁶ прусского маршалка, намереваясь вторгнуться в этот край, прибыв под замок Иоганнисбург, накрыли там рыцарские столы и после обильного застолья вошли в границы Литвы.

Свидригайло бунтует Литву (1392)

С. 107. Вскоре осадили Сураж. Гарнизон, заметив неприятеля, предпринял вылазки, но из-за численного превосходства после сильного поражения и людских потерь отошел обратно в замок. В Сураже случайно находился князь мазовецкий Генрих, свояк Витовта, который увидев свои уменьшившиеся отряды, спасаясь бегством, взял путь на Мазовию. Солдаты, оставшиеся в гарнизоне, схоронились в замке и упав духом, добровольно сдались. Крестоносцы, разорив эту часть Литвы, отошли назад. Вскоре Вернер Теттинген⁶⁷, командор Ордена, собрав новое войско, взял замки Бартен и Страмель, опустошил окрестные волости, 3000 пленных увел в Пруссию.

В следующем году новые волнения начали сотрясать Литву, а именно Скиргайло, брат короля, обиженный на то, что Витовт превысил его и в княжеской власти и в королевской милости, перешел с ним к открытым столкновениям, и Литва, как бы разделенная на две части, раздиралась губительными распрями. Чтобы это зло усмирить, король вместе с королевой Ядвигой направился в Литву с решительным намерением примирить братьев. Вызвав их к себе при деятельной помощи королевы Ядвиги, которая хотела быть примирительницей высказанных обид, установил мир между ними и постановил: чтобы в случае возникших в будущем споров, не берясь за оружие, дальнейшее их разрешение предоставили королеве.

Мгновенно успокоенный Ягайло (1393)

С. 108. [Ягайло], желая это единство сделать длительным и вразумить Скиргайло, к Киевскому княжеству, которое он держал по воле короля, [решил] добавить еще Стародуб, Кременец и Старые Троки, а также замки, расположенные на обоих берегах Днепра. Таким способом, разрешив литовские дела, король с королевой Ядвигой возвратился в Корону.

Примерно в это время Елизавета, мать Вацлава⁶⁸ и Сигизмунда⁶⁹, из которых один был королем римским и чешским, а другой королем венгерским, умерла. Ее матерью была дочь Казимира В[еликого].

Вацлав, король римский и чешский, крестоносцев Прусского ордена, который владел в Чешском королевстве замками и обширными волостями, своим указом выселил из своих краев как малополезных в его христианской державе⁷⁰.

В то время как все это где-то происходит, Витовт послал ремесленников в крепость Бартен, год назад разрушенную крестоносцами, и приказал восстановить ее в прежнем состоянии.

С. 109. Узнав об этом, прусский магистр собрал войско и, поручив командование маршалу Вернеру Теттингену, отправил в Литву. Тот, переправляясь через Неман, потерял значительную часть солдат, но все же замок, недавно отремонтированный Витовтом, снова взял штурмом, ограбил и сжег. Выполнив свое намерение, вернулся обратно в Пруссию. Этим же летом снова под командованием Вернера войско, усиленное подкреплениями французов и немцев (между этими последними находился граф Вюртембергский, вторглось в Литву и на лодках

переправившись через Неман, огнем и мечом опустошило Жмудь и более 400 литвинов захватило в неволю⁷¹. Конрад Валленрод удачно воевал в этом году, однако сам погиб ужасной смертью. После него камандором был избран Конрад Юнгинген⁷².

В Польше король Владислав жил спокойно. Чтобы и в этом году сделать что-нибудь памятное, он приказал стены краковского замка, которые были очень низкими, поднять выше. Для улучшения охраны назначил людей рыцарского звания, названных бурграфами, дал каждому из них коня и увеличил жалование <...>

Великий поход крестоносцев на Литву (1394)

С. 110. В то время как Владислав вершит богоугодные дела, Конрад Юнгинген, великий магистр крестоносцев, собрав мощное войско, вызвав на помощь многочисленные отряды французов, англичан и немцев, потрясающем воображение образом приготовился к войне и вторгся в Литву. Поводом явилось возвращение Свидригайло на родину. Действительной же целью было подчинение Литвы с помощью оружия.

Осада Вильно (1394)

С. 111. Виленские замки, снабженные сильным гарнизоном, Конрад обогнул спереди и настойчиво осаждал. Князь Витовт занял окрестные поля, призвал к оружию литовцев, жмудинов и русских. Король Владислав также прислал из Польши большие подкрепления, нанятые за большое жалование. Кроме того, множество знатных мужей своими силами прибыли на войну, желая угодить королю. То вместе с одними, то с другими Витовт днем и ночью нападениями не давал покоя крестоносцам. Посланных из обоза за продуктами или какими-то другими потребностями хватал, уничтожал все вокруг неприятеля настолько, что великий магистр Конрад со своим войском выглядел более осажденным, чем Витовт. Неприятельский лагерь испытывал острую нехватку хлеба и корма для коней. Наконец Конрад выслал большую часть своей конницы в поле добывать продовольствие. Командующий конницей Витовта начал с ним сражение, однако, возможно сломленный своими небольшими потерями, был вынужден отступить. А крестоносцы после этой победы доставили в лагерь немного продовольствия. Это привело к тому, что виленские замки осаждали еще два месяца. А когда Конрад понял, что взять их не сможет, князь Витовт каждый день нападал на его лагерь, он был вынужден свернуть обоз, и ничего не сделав, вернуться в Пруссию.

С. 112. Однако же, когда он увидел, что все дороги перекрыты войсками Витовта, мосты сняты, леса завалены засеками, что Витовт и спереди, и с боков с отборной конницей на каждом шагу наступал на него, то подвергаясь стольким опасностям, вынужден был окольными путями искать для себя дорогу, но угодил в болота. Ужасной была борьба среди топей. Солдаты и кони тонули в глубокой трясине. Наведение мостов обрекало на длительную и опасную задержку, к тому же Витовт тут же на них напирал, так что прусские солдаты не могли себя подкрепить ни едой, ни дать во сне отдых измученному телу, окапывание в лесах также было слишком тяжким. Такое отчаяние охватило прусский обоз, что магистр Конрад в отчаянии рвал на себе бороду и проклинал тот день, когда он вторгся в Литву⁷³.

Сигизмунд, король Венгрии, навещает Ядвигу (1393)

В то время как в Литве пылала война, Сигизмунд, венгерский король, супруг Марии, родной сестры королевы Ядвиги, прибыл в Карпатские горы, отделяющие Польшу от Венгрии, чтобы навестить [дочь].

С. 113. Королева Ядвига приехала в замок Ритер, чтобы встретить его, и оттуда проводила в [замок] Сондеч, где принимала его гостеприимно и с радостью. Венгерский король после долгих переговоров о положении дел в обоих государствах, заключив множество милостивых постановлений, достойно одаренный ею, вернулся в Венгрию.

В Мазовии князь Януш недалеко от границ с Пруссией строил замок над рекой Нарвой. При нем было несколько вооруженных отрядов для обороны, чтобы крестоносцы не помешали работам. Они уже близились к концу, когда Рудольф и Валленрод, командоры Балги и Рагнеты, неожиданно напав, схватили князя Януша, как пленника посадили на коня, завязав ему ноги под [конским] брюхом, и привезли к великому магистру Конраду.

Вскоре весть об этом пленении дошла до короля Владислава, он немедленно отправил послов к великому магистру Конраду с требованием, чтобы [он] ленного князя Польской короны освободил, если не хочет обречь Пруссию на самую губительную войну без прощения. Великий магистр, пораженный эти грозным приказом, князя Януша и вместе с ним всех пленных, собрав их в дорогу, дав коней, отпустил <...>

Отряды крестоносцев под Лидой (1395)⁷⁴

С. 115. Конрад, великий прусский магистр, которому опротивели его походы в Литву из-за поражений, понесенных летом прошлого года, в середине зимы, когда озера и болота покрыты льдом, и позволяют свободно через них переправляться, направляет маршала Вернера Теттингена⁷⁵ с отборным войском на опустошение этого края. Редко до этого крестоносцы с этой стороны так глубоко вступали в Литву. Теттинген же от замка Нойгарда, который нашел разрушенным литвинами, и от реки Немана начал поход и, повернув направо, делая большие круги, дошел до Лиды. Испугавшись его появления, лидяне сами подожгли замок и убежали. А маршал Вернер⁷⁵ с богатой добычей повернул назад в Пруссию. Вскоре после этого Ульрих Юнгинген, брат магистра Ордена, правитель Самбии, собрав свежие силы, намеревался вторгнуться в Литву. Но когда он прибыл в местность под названием Россита, узнал от шпионов, что князь Витовт под Инстербургом огнем и мечом ужасным образом опустошает Пруссию. Перепуганный, отказался от похода, а Витовт, опустошив большую часть Пруссии, с богатой добычей и не пострадавшим войском вернулся домой. В его отсутствие Конрад, командор Балги, вторгшийся в литовские границы, опустошил дрогичинскую землю, 300 пленных и другую добычу, стада загнал в Пруссию. Так проводились эти войны.

Начало споров о Добжине (1396)

С. 123—124. В следующем году Владислав, польский король, направил посольство к Владиславу, опольскому князю⁷⁶, напоминая ему, чтобы вернул земли Добжинскую, Велюньскую и Острешовскую, которые когда-то Людовик, король польский и венгерский⁷⁷ дал ему в держание в Польском королевстве.

Поход Ягайло в Куявию (1396)

С. 124. Владислав опасался, что если чужой князь будет и дольше держать эти земли, не окажутся ли ни оторванными, так же, как Шленск, который был частью Королевства. В этом смысле любую проволочку он считал опасной. А войны со стороны Вацлава, римского и чешского короля, от которого князь Владислав Опольский зависел⁷⁸ нисколько не желал, и не без зрелых размышлений это предпринял. Он ведь предпочитал подвергнуться любой опасности войны, чем далее выносить обиду и утрату своего королевства. Он отправил Кристину Островского, каштеляна сандомирского с войском в Добжинскую землю, объявив, что вскоре и сам поспешит с большими силами. Тот по королевскому приказу призвал к оружию шляхту Куявского воеводства, умножил свои отряды и с ними перешел Вислу. Крепость Бобровники, в которой Шарый руководил виленским гарнизоном, окружил, и когда Кристин из пушек и стенобитных орудий бил по замку, король Владислав, призвав новые пополнения, двинулся, якобы, под Добжин, как обещал Кристину, а в сущности, применил прием, чтобы неприятеля неожиданным нападением легче разбить. Короткой дорогой он направился на Велюнь.

Взятие замков в Опольском княжестве (1396)

С. 125. Ольштын, укрепленный замок, расположенный на высокой горе, быстро взял, позднее, подступив под Кшепицу, также с легкостью овладел. Наконец [замки] Велюнь, Острешув, Бжезнице, Боболице и Грабув сами их предводители, пораженные неожиданной войной, добровольно поотдавали. Под Болеславцем война несколько затянулась, так как река Просьна затрудняет взятие крепости, и князь Владислав перед этим недостаточно обеспечил ее продовольствием, зато достаточно усилил введением гарнизона. Когда он осаждал Болеславец, магистр Прусского ордена, собрав войско, двинулся на помощь Владиславу Опольскому, против Кристина, королевского гетмана, осаждающего Бобровники. Он находился уже вблизи королевского обоза, когда Кристин Островский, усомнившийся в своих силах как несравненно меньших, отступил от осады и вернулся в глубь края. Владислав, видя, что с помощью королевских сил он не справится с удержанием Добжинской земли, оставил эту землю прусскому магистру за 40 000 червонных злотых. Крестоносцы, овладев Добжином, Бобровниками, Рыпином, Рыпно и Золоторьей, эти небольшие замки снабдили своими гарнизонами и лучше вооружили. Это было поводом великих войн, которые произошли позже между Польшей и орденом крестоносцев.

Вторжение Ягайло в Силезию (1396)

С. 126. Скоро Владислав убедился во враждебных намерениях великого магистра Конрада Юнгингена. Оставив часть войска в осаде Болеславца, сам вернулся в Краков, чтобы собрать силы для войны с крестоносцами. Во время этих затруднений короля Владислава Опольский, [который] не мог доказать превосходство в ответном бою, собрав шпионов и разбойников, тайными нападениями вторгается в границы Королевства, захватывает множество шляхты, проживающей в своих вотчинах, и как пленников загнав в Силезию, тяжкими узами, острейшими муками выжимает из них высокий выкуп. Также краковских купцов, которые по обычаю прибыли на краковскую ярмарку, при их возвращении, устроив засады на гостинцах, ограбил и требовал с них большие деньги. Король Владислав, отказавшийся от прусской войны, неожиданно вторгся в Силезию и там замки самого [князя Опольского] Владислава и его племянников: Любленич, Стрельце, а также много других городов и крепостей взял, княжество Опольское страшно опустошил огнем и мечом, наконец, перейдя реку Одру, окружил Ополе плотной осадой и с величайшей настойчивостью штурмовал его разнообразными разрушительными орудиями. Владислав [Опольский] все надежды возлагал на Вацлава, римского императора и чешского короля, вассалом которого он был.

Война завершена соглашениями (1396)

С. 127. Но когда тот, казалось, медленнее, чем требовала безопасность опольского князя, направил войско, упал сердцем и не внял просьбам. Князей Олесницкого Конрада и Намысловского Бернарда к обозу короля Владислава высылает, чтобы добились прощения, а также именем его пообещали удовлетворить все, что непобедимого короля вынудило к войне. Долго король Владислав противился просьбам умоляющих князей, наконец, дал себя смягчить с условием, чтобы князь Владислав замок Болеславец вернул Короне, пленных, отобранные товары и деньги купцам вернул, возвратил города и замки Ядвиги, дочери Спытка из Мельштына⁷⁹, который в то время был на первом месте в отношениях с королем, и которые [замки] как часть приданого занял племянник Владислава Бернард. Таким способом Силезская война закончилась соответственно воле короля...

Переговоры с крестоносцами (1397)

С. 128. Когда король Владислав Ягайло уже был вполне готов к войне с Пруссией, панырада Королевства считали нужным перед началом враждебных шагов через посольство

вызвать великого магистра Конрада и потребовать возвращения Добжинской земли. Для них не было тайной, что король Владислав был обижен на крестоносцев, и скорее для защиты Литвы, чем для возвращения Добжинской земли, в удержании которой и свою личную, и своей короны обиду видел, намеревался начать войну. Затем было решено использовать переговорные средства и вызвать Конрада на разговор, о котором он сам управшивал, встревоженный приготовлениями короля к войне. Местом съезда был избран Иновроцлав.

Ядвига договаривается с великим магистром (1397)

С. 129. Когда великий магистр прибыл, никаким способом нельзя было склонить Владислава, чтобы он разговаривал со своим главным врагом. Ведь он знал, что все основывалось на измене и коварстве, что [магистр] добровольно не сделает ничего, что было бы полезно для Речи Посполитой, что захочет делать все для собственной пользы, до той поры, пока не будет принужден оружием. Однако все-таки чтобы угодить панам-раде в Иновроцлав [он] выслал королеву в сопровождении блестящей свиты первых лиц для переговоров о мире с прусским магистром. Когда она прибыла на место, после длительных и безрезультатных переговоров, ничего не решив, обе стороны разъехались. Все же Конрад согласился отдать Добжинскую землю за заклад в 40 000 червонных злотых, на что ни король, ни королева согласиться не могли, чтобы землю, которая являлась несомненной собственностью Польского королевства, должны были покупать за деньги. Война становилась неизбежной.

Дела ливонские (1397)

С. 130. Конрад, чтобы присоединить к своим владениям Ливонию, пограничный край, лежащей над берегами Балтийского моря, начал посылать своих послов к папе Бенедикту IX и просить отстранить от власти Рижского архиепископа, которому подчинялась вся Ливония с городом Ригой, расположенным над устьем Двины, и допустить в эту страну крестоносцев Прусского ордена, обозначенных черным крестом.

Крестоносцы жаждут захватить этот край (1398)

С. 131. Он доказывал, что нигде христианское рыцарство не может быть лучше устроенно, чем в этой части света, граничащей с неверными язычниками. Если же эта страна с разрешения апостольской столицы будет отдана крестоносцам, они докажут, что вскоре весь Север будет почитать богом Христа и примет истинную веру. Папа Бонифаций был склонен этими аргументами, а говоря открыто — 15 000 червонных злотых, которые ему дали за это прусские крестоносцы. Он приказал Рижскому архиепископу сложить полномочия и отдать эту землю во владение рыцарей черного креста. Получив это пожалование, словив сопротивление рыцарей красного креста, которых называют меченосцами, они установили там свое владычество и поставили нового магистра, который подчинился прусскому⁸⁰.

Описание Ливонии (1398)

С. 132. Очевидно, по этой причине Конрад возгордился и начал равняться могуществом с польским королем. Ведь Ливония — край обширный, около 120 миль, простирающийся вдоль берегов Балтийского моря, в два раза длиннее, чем Пруссия, как месяц, связанный рогами. В этой ширине лежит Дерптское епископство, отодвинутое далеко от моря к русинам, которых называют псковитянами и к южной затоке озера Пейпус длиною в половину девятнадцати миль. Сегодня Ливония покрыта замками и городами, укрепленными по немецкому образцу. Река Свента отделяет ее от Жмуди, которая граничит с Ливонией на юге; в этой части находится курляндское епископство; есть еще два других — озельское и ревельское на берегу моря, однако те расположены дальше за Ригу и больше на север. Река Нарва, вытекающая из озера Пейпус, и впадающая в море недалеко от замка с таким же названием,

отделяет всю Ливонию от севера. За ней на противоположном берегу находится русская крепость Ивангород, основанная на памяти наших отцов Иваном, великим московским князем из опасения, чтобы крестоносцы, перейдя реку, не расширяли своих границ вглубь Руси.

С. 133. От Нарвы на восход солнца лежит Новгород Великий. Это обширнейший русский порт, расположенный в 40 милях от Нарвы, от Дерпта же через озеро Пейпус, когда оно покрыто льдом, и через Псков, также богатый и укрепленный русский город, не более чем 52 мили. Это достоверное положение Ливонии, напротив которой с запада через морской залив лежит Шведское королевство и Стокгольм, шведская столица, лежит напротив города Риги. Делит ее морской залив шириной в этом месте в 62 мили, в других — уже, по мере того, как глубоко берега заходят в море или отступают. Этого о положении Ливонии вполне достаточно, следует обратить перо к литовским делам.

Свидригайло объединяется с Витовтом (1398)

С. 133. Свидригайло, который при крещении получил имя Болеслав, и который из-за ненависти к своему двоюродному брату Витовту сбежал в Пруссию, как мы писали об этом выше, вернулся на родину и объединился с Витовтом.

Нападение ливонских крестоносцев (1403)

С. 154. Литва была растревожена неожиданной войной, начатой ливонским магистром⁸¹, который, переправившись через Двину, вторгся с мощным войском и опустошил территорию Литвы вдоль и поперек. Когда Александр Витовт собирал силы против ливонцев, они с трофеями и с пленниками повернули назад. Витовт отправился в погоню и, перейдя с войском границу Ливонии, обратил в пепел множество сел и городов. Он взял город Динабург, расположенный над Двиной, другой замок, где находились литовские трофеи, добровольно ему сдался, но он все равно его разрушил и сжег, а сам с большой славой вернулся в Литву. В этом походе Петр Рыттерский герба «Топор» первый ринулся на укрепления Динабурга и хотя был тяжело ранен, своим мужеством и стойкостью добыл себе великую славу.

Не останавливаясь на этом походе, Витовт направился на восток. Смоленскую землю Руси, лежащую над Днепром, опустошил огнем и мечом и отягченный богатыми трофеями, с войском полным сил вернулся домой.

Нападение крестоносцев со Свидригайло (1404)

С. 158. На Литву снова начали нападать прусские и ливонские крестоносцы во главе с Болеславом Свидригайло, который, несправедливо изгнанный Витовтом из отчины, подался, как бродяга, к магистру Прусского ордена. Конрад Юнгинген, великий магистр, собрав мощное войско, среди зимы, по покрытым льдом рекам и озерам вторгся в Литву. Перейдя Неман, весь край вокруг Мереча, Олавы, Трок, Сумелишек и Неровены опустошил огнем и мечом и с трофеями вернулся в Рагнету. Витовт находился в то время в Вильне, однако, не имея сил, не решался дразнить неприятеля, думал только пуститься за ним в погоню. Тем временем с другой стороны войско ливонского магистра, перейдя Двину, начало грабить северную часть Литвы.

Примирение с крестоносцами (1404)

С. 159. Притесненный этими войнами, Витовт по совету короля Ягайло заключил мир с прусским магистром Конрадом и произвел обмен пленными. Король Владислав призвал из Пруссии Болеслава Свидригайло и дал ему во владение Подолию — край, принадлежащий Польской короне; к этому присоединил еще Жыдачовскую, Стрыйскую землю, а также Шидлов, Стобницы, Другню и Уйсце. А кроме того, назначил ему ежегодно 1400 гривен со

своих соляных копей. Свидригайло, разместив в Подолии своих солдат, некоторое время выдержал в Королевстве, но подстрекаемый обещаниями крестоносцев захватить Литву, снова удрал в Пруссию. Подолия оказалась оторванной от короля Владислава, и было еще много забот, чтобы снова привести к повиновению эту землю. Гораздо больше беспокоила Владислава удержание крестоносцами Добжинской земли. Речь уже заходила о войне, однако прежде, чем предпринять враждебные шаги, направили посольство к Конраду с напоминанием о возврате Добжина, а если бы отказались, должны были бы вести войну. После исполнения королевского поручения магистр ответил, что этот предмет слишком важен, чтобы его можно было решать через послов. Если бы он сам имел возможность для переговоров с королем, не сомневается, что все удалось бы положительно согласовать, что он по этому поводу мог бы прибыть к королю в тот час и в то место, которые он бы ему указал. Когда послы сообщили это Владиславу, король назначил долгожданную встречу в Раценже — городке над Вислой вблизи Добжинской земли.

Соглашение в Раценже (1404)⁸²

С. 160. Скоро он прибыл туда. Магистр Конрад тоже приехал туда со своими командорами. Согласились выбрать посредников. Король Владислав назвал для этой цели восемь высших чиновников королевства, столько же и со своей стороны великий магистр.

С. 161. После долгих переговоров они постановили: чтобы Витовт, великий князь литовский, Жемайтию отдал крестоносцам, Добжин должен быть возвращен Короне, не иначе, как за сумму в 40 000 червонных золотых, за которую Владислав князь Опольский эту землю заложил. Хотя король Владислав считал это решение неправильным и обременительным, и долго воздерживался от принятия его как несправедливого, все же так как он доверился королевским советникам для поддержания любви, мира и покоя и сам его утвердил. Таким образом, мир с крестоносцами был заключен. После разрешения этого общего дела Конрад пригласил Ягайло в расположенный неподалеку Торунь, где после прибытия он был радушно и любезно принят великим магистром. Там [король] провел три дня, наблюдая за турнирами, на которых Добеслав Олесницкий превзошел всех ловкостью, даже самых сильных немцев сбрасывал с коней и, обращая на себя взгляды зрителей, в этих состязаниях заслужил всеобщее поощрение. Когда король выезжал из Торуня, какая-то женщина, неизвестно, то ли нечаянно, то ли умышленно облила его кухонными помоями; сейчас же схваченная она неизбежно заплатила бы смертью, если бы Владислав не выпросил у Конрада прощения для нее.

Однако едва король вернулся в Краков, крестоносцы, зная, что Януш, князь черский и варшавский, проводил время в имении, пробравшись обходными дорогами в Мазовию, схватили его со всеми дворянами, которые были с ним, и под стражей выпроводили в Пруссию.

С. 162. Короля Владислава возмутило это насилие, в тоже время он направил послов к Конраду с заявлением о том, что он поступил непорядочно, осмелившись на князя Короны Польской, который его ничем не оскорбил, тайно напасть и, захватив как врага, держать в плену. Подобного злодеяния не совершили бы даже самые дикие варвары, особенно по отношению к князю, предки которого первыми пригласили крестоносцев в Пруссию, дали им земли и замки, и весь Орден осыпали великими благодеяниями, за которые он должен быть благодарным. Затем король его предостерег, чтобы захваченного князя сейчас же освободил и возместил убытки, а если он в чем-то не послушается, не сойдет ему такой позорный поступок без мести, и вскоре увидит он всю Пруссию, охваченную пламенем страшной войны. Великий магистр Конрад, уstraшенный этим грозным предупреждением, свидетельствовал, что все это совершилось без его ведома, освободил князя Януша и весь его обоз без промедления. Король Владислав все лето провел в Великой Польше и на состоявшемся в этой земле сейме добился, чтобы с каждого лана поступало по четверти гривны на выкуп у крестоносцев Добжинской земли, соответственно заключенному с ними договору <...>

Раздоры Витовта с крестоносцами (1404)

С. 166. ...Магистр Прусского ордена, узнав, что Александр Витовт не хочет выполнять условий, принятых в Раценже и отдавать Жемайтию, издавна принадлежавшую Литве, вторгся с войском в этот край и жестоко опустошил его. Витовт не бездействовал в этой опасности, но все вокруг крестоносцев уничтожал, часто тревожил их лагерь неожиданными набегами, однако не мог сравниться с ними силами и не решился вступить с ними в битву. Тем временем через гонцов просил короля Владислава о помощи. Король, увидев, в какой опасности находится Литва, срочно послал на помощь Витовту несколько польских отрядов, которые вскоре были на месте и осмелев, уже намеревались всеми войском напасть на лагерь, но крестоносцы были предупреждены о прибытии подкрепления польских солдат; они быстро свернули лагерь и в спешном отступлении, похожем на бегство, покинули Литву⁸³.

Мнимые споры в Гневкове (1404)

С. 167. В начале 1405 г. на небе можно было видеть большое сближение двух далеких светил в созвездии Водолея, солнце занимало тогда двадцать третий градус; тяжелые несчастья охватили Европу в течение последующих 20 лет, как об этом расскажем ниже, шире и подробнее. В этом году для подтверждения решений, принятых прошлым летом в Раценже, король Владислав встретился с Конрадом Юнгенгином в Гневкове. Александр Витовт ведь не хотел выполнить возложенную на него королем обязанность отдать Жемайтию крестоносцам, для этого в Гневкове между королем и Прусским орденом должно было состояться повторное соглашение. Все, казалось, склонялось к миру, когда великий магистр ордена Конрад вбросил новый повод для споров, потому что хотел вычеркнуть титул Поморья из королевских писем и желал, чтобы с этого времени король польский не употреблял в титуле Поморье, ссылаясь на то, что Казимир Великий отдал его крестоносцам⁸⁴.

Жемайтия не хочет подчиниться крестоносцам (1405)

С. 168. Король Владислав утверждал обратное: что Поморье — это неотъемлемая часть государства, что он не хочет оскорблять свой титул и права королевства, которые распространяются на все Поморье, исключением титула. Из-за этих споров из Гневкова обе стороны разъехались раздраженные.

Затем другой съезд провел великий магистр Конрад с великим князем Витовтом над Неманом в местности, названной Салин, где о владении Жемайтией шли такие жаркие споры, что Марквард, командор бранденбургский и командор шёнбергский, надутые немецкой спестью, Александра Витовта унизили ложью. Один назвал его сыном нечестной матери, а другой — клятвопреступником. Эти оскорбления Витовт терпеливо снес, уступая времени⁸⁵.

С. 169. Позднее Прусский орден тревожил Витовта большими войнами; обе стороны несли тяжелые потери, которые затрагивали крестоносцев меньше, так как из Германии все время прибывали новые подкрепления и наемные солдаты, а литвины и жмудины потеряли своих самых храбрых воинов. Эти несчастья заставили Витовта заключить мир с крестоносцами с условием, что он уйдет из Жемайтии и отдаст этот край во владение магистру Прусского ордена. Как только жемайты получили верное известие об этом неожиданном договоре, весь край охватила великая тоска, всеобщий горький ропот и жалобы. Каждый оплакивал свою долю и хотел подвергнуть опасности свое имущество и жизнь, лишь бы не подчиниться высокомерной власти крестоносцев. К Витовту направляют послов, умоляя его, чтобы их, которые всегда были верны Витовту, и являются одним с литвой народом, не отдавали в неволю жестокому врагу. Ведь они мужественно помогали ему во всех войнах и в будущем готовы ради спасения его и его власти пролить кровь, свою имущество и жизнь подвергнуть опасности. Так молили они, упав ничком, проливая слезы. Витовт сам едва мог удержаться от

слез, однако после торжественно заключенного примирения должен был выполнять его условия; приказал жемайтам, чтобы с этого времени подчинялись крестоносцам, подчинялись их законам и в качестве заложников отдали им своих знатнейших молодых людей.

С. 170. Когда жемайты, принужденные приказом Витовта, выполнили это, крестоносцы, чтобы укрепить свое господство на этой земле, построили два замка в прилегающей к этой местности, один над рекой Невяжей, другой над Дубисой, при впадении ее в Неман. Так был водворен мир в этом краю <...>

Съезд Ягайло с магистром в Ковно (1408)

С. 173. Владислав Ягайло, должным образом уладив дела в государстве, выехал в Литву, и с Ульрихом Юнгингеном⁸⁶, магистром Прусского ордена, в Ковно, у слияния рек Вилии и Немана, чтобы разобрать жалобы крестоносцев на пограничные обиды. Жаловались они, что границы их постоянно нарушаются, или сами [жемайты] их далеко отодвинули. Эти споры живо поддерживались, так как было очевидно, что магистр не так хочет предотвратить будущую опасность, как ищет повода к войне, съезд закончился безрезультатно <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михайловская Л. Л. Тевтонский орден в европейских политических отношениях (XIV — первая четверть XVI в.) // Российские и славянские исследования. Вып. VIII. Минск : БГУ. 2013. С. 9—28.

² Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksąg dwanaście. T. I—V. Kraków : Wydawnictwo Aleksandr Przędzicki w Drukarni Czasu W. Kirchmayera, 1867—1870. T. III / ks. IX—X/, 1868. 558, XXIII s. T. IV / ks. XI—XII/, 1869, 678, XIII s. T. V / ks. XIII /, 1870, 368, XI s.; Mattiae de Miechovia. Chronica Polonorum // Scriptores Rerum Polonicarum, t. II. Cracoviae: Typis universitatis, 1874. Supplementum I. S. 256—286; Marcin Kromer. Polska. Olsztyn: Pojezerze, 1984 ; Bielski Marcin. Kronika Polska. T. I—II. Sanok: Druk K. Polaka, 1856.

³ Buczek K. Dzieje Kartografii Polskiej od XV do XVIII wieku. Wrocław-Warszawa-Kraków : Państwowe wydawnictwo naukowe, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1963. S. 23.

⁴ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. XII. Warszawa : Druk Wiek, 1892. S. 291.

⁵ Такое предположение высказал С. Лукас. См.: Lukas S. Rozbór pódzugoszowej częśni kroniki Bernarda Wapowskiego // Rozprawy i spawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności, t. 10—12. Kraków, 1879—1880. S. 9—11; Acta Tomicianae, t. I—III. Academia Scientiarum Polonia. Biblioteka Korniansis. Wratislaviae-Cracoviae-Posnaniae: Sumptibus institute nationalis ossoliani, T. II, 1852, № CLIV. S. 156.

⁶ Ян Лаский (1456—1531). Архиепископ Гнезненский и примас Польши (1510—1531). Имел большое влияние на государственные дела, сторонник объединения Восточного Поморья с Польшей. Был направлен Сигизмундом I на Латеранский собор (1513), чтобы склонить папу на сторону польского короля по делу о принесении ему вассальной присяги магистром Тевтонского ордена.

⁷ Дипломатическая корреспонденция содержится в приложении к исследованию: Ossoliński J. Wiadomości Historyczno-krytyczne do Dziejów Literatury Polskiej. Kraków : W drukarni Gröblowskiej Jozefa Mateckiego. 1819. S. 479.

⁸ Pocięcha W. Królowa Bona (1494—1557), czasy i ludzie odrodzenia. T. I—IV. Nakładem. Poznańskiego Tow. Przyjacioł Nauk; skł. gł.: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1949. S. 143—145.

⁹ Wapowski B. De bello a Sigismundo I Rege Poloniae, contra Moscov gesta. Romae, 1508; Carnina de memorabili coede Moscovitarum per Serenissimum et infictissimum D. Sigismundum Regem Poloniae M. D. Lithuaniae apud aras Aleksandri Magni peracta b. n. dr. i r. Romae, 1515. Полную библиографию трудов Б. Ваповского см.: Estreicher K. Bibliografia Polska. T. XXXII. Kraków : Wydanie Akademii Umiejętności staraniem Komisji bibliograficznej, 1938. S. 192—195.

¹⁰ Обстоятельства назначения Ваповского на должность королевского историографа. См.: Serwański M, Malecki A. Le premier historiographe royal de Pologne: Bernard Wapowski (vers 1450—1535) // Les Historiographes en Europe de la fin du Moyen Âge a la Révolution. Paris, 2006. S. 251—262.

¹¹ Bieńkowska B. Z kręgu Miechowity i Wapowskiego // Studia i materiały z Dziejów nauki Polskiej. Ser. A. Z. 10. Warszawa, 1966. S. 13—32.

- ¹² *Bartoszewicz J.* Historia literatury Polskiej. Warszawa. Nakładem Księgarni i Składu nut Michała Glücksberga, 1861 — XII. S. 345—346.
- ¹³ *Bieńkowska B.* Z kręgu Miechowity i Wapowskiego... S. 32.
- ¹⁴ *Grygiel S.* Proba rekonstrukcji zaginionej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. *Studia Źródłoznawcze*. T. IX, 1964. S. 113.
- ¹⁵ *Marchwiński R.* Wstęp // M. Kromer. Polska. Czyli o położeniu, obyczajach, urządach i sprawach publicznych Królestwa Polskiego księgi dwie. Olsztyn : Pojezierze, 1984. S. XXXVIII.
- ¹⁶ Bernardi Vapovii fragmenum Sigismundi Regis Poloniae res gestas, Cromeri descriptione posteriores continuans nunc primum i lucem editum Coloniae Agrippina, 1589.
- ¹⁷ Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego, od roku 1380 do roku 1535, przez Bernarda z Rachtamowiec Wapowskiego, ze świeżo odkrytego społecznego rękopiśmi, z języka Łacińskiego na ojczysty przetłumaczył, przypiskami objaśnił, poczet rzeczy i osób dodał Mikołaj Malinowski. W Wilnie, nakładem i czcionkami T. Glücksberga, księgarnia i typografia szkół Białoruskiego naukowego okręgu. Wilno, T. I—III. 1847—1848. T. I — 1847. 491 s. T. II — 1847, 518 s. T. III — 1848, 511 s.
- ¹⁸ *Baliński M.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego // Biblioteka Warszawska. T. I. Warszawa, 1847. S. 379.
- ¹⁹ Виктор Баворовский 1826—1894) — польский граф, известный коллекционер, библиофил, писатель и переводчик. Собрал ценную коллекцию редких рукописей и книг, которая получила условное название «Библиотека Баворовского». С 1877 г. хранилась во Львове, во дворце Баворовских. Ныне — в Народной библиотеке Варшавы.
- ²⁰ Палеографическое описание рукописи см. : J. Szujski J. Bernard Wapowski i jego Kronika // *Scriptores Rerum Polonicarum*, t. II, Cracoviae, 1874. S. XXX.
- ²¹ *Bieńkowska B.* Z kręgu Miechowity i Wapowskiego... S. 13—32.
- ²² *Михайловская Л. Л.* Судьба «Хроники» Бернарда Ваповского // Беларус. археаграфічны штогоднік. Вып. 4. Мінск, 2004. С. 31—35.
- ²³ Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec, kantora katedralnego krakowskiego, wydał, życiorysem Wapowskiego i wyjątkami z współczesnych historyków objaśnił Dr. Szujski e. H. prof. Hist. Pol. Na Univers. Jag. Gen. Akademii Umiejętności. Część ostatnia IV — Czasy podługoszwowe obejmu ca (1480—1535) // *Scriptores Rerum Polonicarum*, t. II. Cracoviae : Typis universitatis, 1874. S. XXX, 256 .
- ²⁴ *Grygiel S.* Proba rekonstrukcji zaginionej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. *Studia Źródłoznawcze*. T. IX, 1964. S. 105—116.
- ²⁵ *Bieńkowska B.* Kronika Emeryka Wi gra (1516—1531) jako źródło Wapowskiego // Emeryk Wiengier i jego Kronika. Wrocław-Warszawa-Kraków : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo PAN, 1969. s. 291.
- ²⁶ Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów... См. также: Михаловская Л., Длугош Я. и Ваповский Б. Сравнительная характеристика // Науч. тр. Ягеллонского ун-та. Сер. История. Краков, 1985. № 76. С. 85—93.
- ²⁷ *Matthiae de Miechov. Chronicae Polonirum. Cracoviae, 1521* // *Scriptores Rerum Polonicarum*. T. II. Cracoviae : Typis universitatis. 1874. — Supplementum I, s. 256—286.
- ²⁸ *Decjusz J.* Księga za czasy Króla Zygmunta. Przekład T. Bieńkowski. Warszawa, PWN, 1960, 11, s. 146.
- ²⁹ *Bieńkowska B.* Kronika Emeryka Wi gra (1516—1531) jako źródło Wapowskiego // Emeryk Wiengier i jego Kronika. Wrocław-Warszawa-Kraków : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo PAN, 1969. S. 291.
- ³⁰ Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego... t. II, ks. IV, s. 38.
- ³¹ Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów... T. III. S. 433; Cp. : Dzieje Korony Polskiej... T. I, s. 56.
- ³² *Serwacski M., Malecki A.* Le premier historiographe royal de Pologne: Bernard Wapowski (vers 1450—1535) ... S. 251—262.
- ³³ *Шайноха К.* Ядвига и Ягайло. Т. I—II. СПб-М. : В. О. Вольф, 1880—1882. Т. I. С. 581, 613.
- ³⁴ Kroniki Bernarda Wapowskiego..., s. 24. «Хроника конфликта Владислава короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410» была написана вскоре после Грюнвальдской битвы и подробно освещает ход сражения. Написана на латыни неизвестным автором. Предположительно им мог быть секретарь и личный советник Ягайло Николай Тронба. См.: Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410, przekład Jolanta Danek, Andrzej Nadolski. Olsztyn : wyd. Muzeum Warmii i Mazur w Olsztynie, 1984; См. также: Гагуа, Р. Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410». Пинск, 2009. 208 с..
- ³⁵ *Kuczyński S. M.* Wielka Wojna z zakonem krzyżackim w latach 1409—1411, Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1980, s. 51, 619.

³⁶ Семянчук А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна : ГрДУ, 2000. 163 с.

³⁷ Михайловская Л. Л. Белоруссия и Литва конца XIV — первой трети XVI в. в хронике Бернарда Ваповского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1981. 20 с.

³⁸ Текст начинается с неверной даты смерти Ольгерда. Он умер не в 1380, как сообщает Ваповский, а в 1377 году. С 1380 г. в ВКЛ начинается ожесточенная династическая борьба. Б. Ваповский неоднократно подчеркивает, что Ольгерд оставил верховную власть Ягайле как старшему сыну. См. *Dzieje Kogony Polskiej...* Т. I. S. 2, 79. Однако Ягайло был старшим сыном Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной, а старшим сыном Ягайло от первого брака с витебской княжной Марией Ярославной был Андрей Ольгердович (ок. 1320—1399). Князь псковский (1341—1348, 1377—1385, 1394—1399), полоцкий (1342—1377, 1381—1387, 1393—1399), трубчевский (с 1360, совместно с братом Дмитрием Ольгердовичем), лукомский (1386—1399). Как старший сын и легитимный наследник Ольгерда находился в непримиримой оппозиции по отношению к Ягайло, захватившему великокняжескую власть.

³⁹ Сведения о ходе династической войны 1381—1383 гг. в ВКЛ почерпнуты Б. Ваповским в основном из «Истории» Длугоша, который, в свою очередь, взял их из летописей. Как отмечает А. Прохаска, по заказу Длугоша был сделан латинский перевод одной из летописей или ее части, известной как «*Origo Regis Jagyello et Vitholdi ducum Linhuania*», который был использован Длугошем при написании X книги [36, s. 196—201, 31, С. 115 — 117]. См.: Prochaska A. Przekład ruskiego latorpisa ks. Litewskiego na język łaciński // *Kwartalnik historyczny*. Lwów, 1888, R. 2, z. 2. S. 196—201; см. также: ПСРЛ. Т. 35. С. 115—117.

⁴⁰ Ваповский упоминает Довидишковский договор, тайное соглашение между великим князем литовским Ягайло, великим магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпрое (1352—1382) и ливонским магистром Вильгельмом фон Фримерсхаймом (1364—1385), подписанное 31 мая 1380 г. и направленное против князя Кейстута и его сыновей. Способствовало развязыванию династической борьбы в ВКЛ. Текст договора см.: Ліцкевіч А. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойці і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367—1398 гг.) // *ARCHE* пачатак. Грунвальд: 1410—2010. Менск, 2010. С. 50; См. также: Prochaska A. *Codex epistolaris Vitoldi, Magnus Ducis Lithuaniae*. 1376—1430. *Collectus Opera Antoni Prochaska. Monumenta mediaevi historica res gestas Poloniae Illustrantia*, T. VI. Cracoviae: Komitet Historyczny Akademii, 1882, № 3.

⁴¹ Скиргайло Ольгердович (в православном крещении Иван, в католическом — Казимир, около 1354—1397). Сын великого князя литовского Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной, брат Ягайло. Князь трокский (1382—1392), полоцкий (1387—1397), киевский (1395—1397), наместник Ягайло в ВКЛ (1386—1392).

⁴² Корибут Ольгердович (в православии Дмитрий, ум. после 1404). Сын великого князя литовского Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной. Князь новгород-северский до 1393 г., затем збаржский, брацлавский и винницкий. В ходе династической борьбы в 1382 г. вместе с Ягайло и Скиргайло выступал против Кейстута.

⁴³ Сообщение Ваповского о том, что на стороне князя Корибута сражались несколько отрядов татар, существенно дополняет текст Длугоша. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...*, t. III, s. 382.

⁴⁴ Ваповский упоминает договор, заключенный 31 октября 1382 г. великим князем литовским Ягайло, его братом Скиргайло и великим магистром Тевтонского ордена Конрадом Цёльнером фон Ротенштайном (1382—1390) на р. Дубисе. Крестоносцы оказывали поддержку Ягайло и Скиргайло в борьбе с Кейстутом и Витовтом. Ягайло обязывался креститься по католическому обряду, крестить население ВКЛ и передать Ордену Жемайтию (границей была р. Дубиса). Кроме того, обе стороны заключали военный союз на 4 года [33, с. 52—53]. Договор не был ратифицирован и не вступил в силу. Поэтому когда военные действия между Витовтом и Ягайло возобновились, Орден выступил на стороне Витовта. См. Ліцкевіч А. Дагаворы. С. 53.

⁴⁵ Ваповский называет имя непосредственного убийцы Кейстута — Прокши, в то время как у Длугоша, во всех списках белорусско-литовских летописей, а также в хронике Быховца отмечена целая группа заговорщиков. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...*, t. III, s. 398; ПСРЛ, т. 35, М. : Наука, 1980. С. 63, 69, 87, 112, 13, 156, 183, 204, 225; Хроника Быховца / под ред., с предисловием и комментариями Н. Н. Улащика. М. : Наука, 1966. С. 64.

⁴⁶ Казнь путем заливания в горло расплавленного металла.

⁴⁷ Конрад Цёльнер фон Ротенштейн — великий магистр Тевтонского ордена в 1382—1390 гг.

⁴⁸ По условиям договора на р. Дубисе (1382).

⁴⁹ М. Малиновский отмечает, что управляющего в то время не было в замке.

⁵⁰ Изложение хода осады Дрогичина и причин ее сдачи войску Ягайло у Длугоша и Ваповского существенно отличаются. Длугош объясняет удачу Ягайло предательством русских, находившихся в дрогичинском замке, а Ваповский — мужеством литовцев. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. S. 414.

⁵¹ М. Ючас считает, что этот период (от смерти Ольгерда до заключения Кревской унии) был отмечен наибольшей активностью крестоносцев. См.: Ючас. *Грунвальдская битва. Вильня, Беласток. Беларускае гістарычнае таварыства*. 2010. С. 9.

⁵² Б. Ваповский не приводит условий договора Андрея Ольгердовича с крестоносцами, но из документов следует, что в случае возвращения своего удела Андрей обязывался владеть им на правах ленника ордена. См.: *Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i dziejów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych krajów. Zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz. Z pozgonnych rękopisów znajdujących się w bibliotece muzeum Wileńskiego wydał Jan Sidorowicz*. Т. I—II. Wilno : Drukarnia A. N. Kirkoga, 1860—1862. Т. I. № 509. S. 256.

⁵³ Отмечая существование противоборствующих группировок в ВКЛ, Ваповский ошибается. Витовт, опиравшийся на православную знать, владевшую значительными имениями на Украине и в Беларуси (Федор Луцкий, Михаил Заславский и др.), оставался католиком, хотя принимал крещение три раза. По католическому обряду в 1382 и 1386 гг. и в 1384 г. по православному. В числе князей, принявших католичество, Ваповский называет Скиргайло, вероятно, спутав его с Коригойло (у Длугоша вместо Скиргайло назван Коригойло. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. S. 432. Скиргайло оставался православным. Великий магистр в письме называет его «отступником» и «схизматиком». Текст приведен М. Малиновским в примечаниях к хронике Б. Ваповского (Т. I. S. 63).

⁵⁴ Казимир (в православии Василий, в язычестве Коригойло, 1370—1390) — сын Ольгерда от второго брака с Ульяной Александровной Тверской, младший брат Ягайло, князь мстиславский. Прославился при защите Вильно, осажденного крестоносцами и войсками Витовта, защищая Кривой замок в 1390 г. В летописях высказано несколько версий его смерти. См.: ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 89, 114.

⁵⁵ Наримунт (в православии Глеб, около 1294—1390). Второй сын великого князя литовского Гедимина, князь полоцкий, позже пинский. Сведения о его смерти и ее дата, приведенная Б. Ваповским (1390), подтверждается договором Смоленска с Ригой от 1390 г., в котором Наримунт упоминается как «полоцкий король». См.: *Полоцкие грамоты XIII — начала XIV в.* / сост. А. Хорошкевич. Вып. 1. М., 1977. С. 39—41; Вып. 3. М., 1980. С. 127—132.

⁵⁶ Товтивилл (в крещении Конрад, около 1355—1390). Сын великого князя литовского Кейстута, князь новогрудский, активно поддерживал своего брата Витовта во время гражданской войны в ВКЛ (1381—1384).

⁵⁷ Ян Олесницкий (ок. 1400—1460) — коронный маршалок (1430—1440), каштелян и староста сандомирский (с 1440), воевода Сандомирский (с 1442), староста краковский (с 1439), каштелян Жарновский (с 1425). Отец Збигнева Олесницкого, первого кардинала польского происхождения, влиятельного политического деятеля.

⁵⁸ Конрад фон Валленроде. Великий магистр Тевтонского ордена в 1391—1393 гг.

⁵⁹ Если Ваповский относится к православному Скиргайло с явной неприязнью, то белорусско-литовские летописи называют его «добрым и чудным князем». См.: ПСРЛ... С. 73; 31. С. 138, 159.

⁶⁰ Маркварт фон Зальцбах, рыцарь Тевтонского ордена, не был великим командором, как ошибочно отмечает Ваповский. Он занимал сравнительно невысокие должности командора Рагнеты (1396—1401), командора Бранденбурга (1402—1410), но играл заметную роль в отношениях между Орденом и Великим княжеством Литовским. Участвовал в переговорах на о-ве Салин (1398) и в Раценже (1404). Закончил жизнь на Грюнвальдском поле (1410).

⁶¹ Вигунд (Виганд, в православии Федор, в католичестве Александр, около 1372—1392). Князь керновский, сын великого князя литовского Ольгерда от второго брака с Ульяной Александровной Тверской, младший брат и преданный сподвижник Ягайло.

⁶² Сообщение Ваповского о нападении рыцарей на Литву в 1391 г. и неудачной осаде Ковно отсутствуют у Длугоша и является существенным фактическим дополнением его труда, как и данные о плацдарме, который Орден предоставил Витовту. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. S. 459.

⁶³ Ваповский напоминает о гибели Наримунта при обороне Вильно в 1390 г.

⁶⁴ В Острове, имени под Лидой, в августе 1392 г. было подписано соглашение между королём польским Ягайло и Витовтом, завершившее гражданскую войну в ВКЛ. Если Ваповский оценивает соглашение как «милость со стороны короля Владислава», то в хронике Быховца и других белорусских

летописях отмечено: «Ягайло понял, что ему уже невозможно удержать литовскую землю против великого князя Витовта». См.: Хроника Быховца... С. 70; ПСРЛ. Т. 35. С. 64—65, 70—71, 114, 136.

Текст договора не сохранился, поэтому вопрос о том, стал ли Витовт в 1392 г. великим князем Литовским, Русским и Жамойтским, считается до конца не решенным. Акты о присяге Витовта Ягайло от 1392 г. подписаны «...князь Троцкий и Луцкий». См.: Codex epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae..., № 92. С. 30. Утверждение Ваповского, что «...всю Литву Ягайло отдал Витовту» согласуется с сообщениями белорусско-литовских летописей, где от имени Ягайло указано: «Пойди, брат, с нами на мир и будь с нами в великой братской любви и возьми себе великое княжение в Вильне, престол великого дяди твоего Ольгерда и отца твоего великого князя Кейстута». См.: Хроника Быховца... С. 72; ПСРЛ. Т. 35. С. 71, 101, 121, 137, 158, 185, 205, 227. Сведения Ваповского (с. 105) подтверждают установление вассальной зависимости ВКЛ от Польши. Большую роль в усилении позиций Витовта сыграл его союз с Тевтонским орденом, а также союз с Великим княжеством Московским, скрепленный браком великого князя Василия Дмитриевича с дочерью Витовта Софьей, которую и Длугош, и Ваповский ошибочно называют Анастасией. См.: Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów... т. III, s. 537; Dzieje Korony Polskiej... Т. I. S. 174.

⁶⁵ Свидригайло (в католическом крещении Болеслав, в православном Лев, около 1370—1452). Сын великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича от второго брака с Ульяной Александровной Тверской, младший брат Ягайло. Князь витебский (1393), подольский и жидачевский (1400—1402), новгород-северский, черниговский и брянский (1404—1408, 1420—1430), великий князь литовский (1430—1432), князь вольнский (1434—1452). Находился в постоянной оппозиции к великокняжеской власти, в 1432—1439 гг. возглавил восстание с целью захвата великокняжеского трона.

⁶⁶ Энгельхард Рабе — маршал Тевтонского ордена в 1387—1392 гг.

⁶⁷ Вернер фон Теттинген — великий командор Тевтонского ордена в 1392—1404 гг.

⁶⁸ Вацлав IV Люксембургский (1361—1419). Сын короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла I (IV). Римский король (1376—1400), король Чехии с 1378 г. В 1400 г. был низложен с германского трона, но остался королем Чехии.

⁶⁹ Сигизмунд I Люксембургский (1368—1437). Курфюрст Бранденбурга (1378—1388 и 1411—1415), король Венгрии (с 1387), Римский король (с 1410), король Чехии (1419—1421) и (1436—1437), король Ломбардии (с 1431), император Священной Римской империи (с 1433). Как император являлся союзником Тевтонского ордена и оказывал ему политическую, финансовую и юридическую поддержку.

⁷⁰ Причиной изгнания тевтонских крестоносцев из Чехии являлось сочувствие Вацлава IV реформационным идеям, распространявшимся в Чехии и направленным против католической церкви.

⁷¹ Я. Длугош называет 500 человек. Ср.: Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów... Т. III. S. 473.

⁷² Конрад фон Юнгинген — великий магистр Тевтонского ордена в 1393—1407 гг.

⁷³ Этот фрагмент (с. 112) у Длугоша отсутствует. Ср.: Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów..., т. III, s. 475—476.

⁷⁴ Я. Длугош датирует этот поход 1394 г. Ср.: Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów... Т. III. S. 476.

⁷⁵ Владислав Опольский — силезский князь (1356—1401). Как родственник Людовика Венгерского служил при его дворе, был наместником в Галицкой Руси (1372—1376). Получил во владение Добжинскую и часть Куявской земли, расположенные на границе с владениями крестоносцев. В 1391 г. передал крестоносцам под залог замок в Золоторые, а в 1392 г. Добжинскую землю, куда Орден ввел войска. М. Малиновский, ссылаясь на документы, отмечает, что уже в 1392 г. Владислав вел переговоры с великим магистром и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским о продаже этих земель Ордену.

⁷⁶ Владислав Опольский — силезский князь (1356—1401). Как родственник Людовика Венгерского служил при его дворе, был наместником в Галицкой Руси (1372—1376). Получил во владение Добжинскую и часть Куявской земли, расположенные на границе с владениями крестоносцев. В 1391 г. передал крестоносцам под залог замок в Золоторые, а в 1392 г. Добжинскую землю, куда Орден ввел войска. М. Малиновский, ссылаясь на документы, отмечает, что уже в 1392 г. Владислав вел переговоры с великим магистром и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским о продаже этих земель Ордену.

⁷⁷ Людовик (Лайош) I Великий (1326—1382). Сын венгерского короля Карла Роберта Анжуйского и дочери Владислава Локетка Елизаветы. Король Венгрии (с 1342), король Польши (с 1370). Из-за отсутствия наследника мужского пола его дочь Ядвига (Хедвиг Анжуйская) в 1384 г. была избрана на польский трон.

⁷⁸ Силезские княжества перешли под сюзеренитет династии Люксембургов в обмен за отказ от претензий на польский трон со стороны Люксембургов по Вышеградскому договору (1335) на «съезде трех королей» (Казимир III польский, Иоганн Люксембургский чешский, Карл Роберт венгерский). Владислав Опольский владел княжеством на правах ленника чешского короля Вацлава IV Люксембургского.

⁷⁹ Спытко II из Мельштына (ум. 1399) — польский шляхтич, маршалок надворный коронный (1373—1384), воевода краковский (1384—1399), каштелян Краковский (1390—1399), наместник Подолии на правах ленника

⁸⁰ Ваповский ошибается в датах и именах. Акт инкорпорации ордена Меченосцев в состав Тевтонского был осуществлен не Бонифацием, а папой Григорием IX и великим магистром Германом фон Зальца в 1237 г. Орден Меченосцев прекратил существование, превратившись в филиал Тевтонского ордена в Ливонии, которым управлял наместник гроссмейстера ландмагистр. Первым наместником стал покоритель Пруссии Герман фон Балк (1237—1238). Этим актом была завершена консолидация Тевтонского ордена, значительно увеличилась его территория, военный и материальный потенциал. В 1398 г. ливонского магистра не смещали. В этой должности оставался Вальдемар фон Брюнгеней (1389—1401).

⁸¹ Ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф (1401—1413).

⁸² Текст договора опубликован А. Даниловичем. См.: Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i dziejów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych krajów. Zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz. Z rozgonnych rękopisów znajdujących się w bibliotece muzeum Wileńskiego wydał Jan Sidorowicz. T. I—II. Wilno : Drukarnia A. N. Kirkora, 1860—1862. T. I. № 791. S. 341. Основные условия приводит и Ваповский, опуская те статьи, которые предоставляли ливонским крестоносцам претендовать на Псков, а Ягайло и Витовту — на земли русских княжеств. В этом же году он совершил походы на Смоленск и Псков.

⁸³ М. Малиновский отмечает, что Ваповский ошибся, следуя Длугошу. В этом году Витовт не только не воевал с крестоносцами, но вместе с ними и с Ягайло старался силой оружия выполнять условия Раценжского договора. Такие же данные приводит и А. Прохаска, отмечая, что собранное Витовтом огромное войско не понадобилось, так как Жемайтия покорилась Ордену. См.: Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego... S. 166; Prochaska A. Szkice historyczne z XV w. Kraków-Warsawa : Nakładem Gebetnera i Wolffa, 1884. S. 60.

⁸⁴ Казимир III Великий — король Польши (1333—1370), сын Владислава III Локетка, во время правления которого Тевтонский орден захватил Гданьское Поморье (1308—1309). Война с крестоносцами за Поморье, начатая Локетком в 1326 г., была завершена Казимиром III. По Калишскому миру (1343) Поморье оставалось во владении Ордена.

⁸⁵ О съезде на о-ве Салин (Залинверден) достоверной информации у Ваповского нет. Он состоялся в 1398 г., а не в 1405 г., как сообщают Длугош и Ваповский. В соответствии с договором, подписанным 12 октября, крестоносцы должны были помочь Витовту занять великокняжеский престол, а он обязывался владеть Литвой на правах ленника. См.: Prochaska A. Szkice historyczne... S. 52. В обмен на передачу Ордену Жемайтии князь обещал помощь крестоносцам в завоевании Пскова, а Орден — в подчинении Витовту Новгорода; ни одна из сторон не должна была пропускать через свою территорию войска, враждебные другой стороне. В последнем пункте договора подразумевался запрет пропуска польских войск на территорию Пруссии. В тексте договора Витовт называл себя «великим князем Литвы», без ведома Ягайло присваивая его титул. Кроме того, договор был заключен в такой форме, что не нуждался в утверждении его королем, сюзереном литовского князя. См.: Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatów. T. I. № 694. S. 314. Таким образом, Салинский договор фиксировал самостоятельность политического курса ВКЛ и признание этого Ягайло «de facto».

Вслед за Длугошем Ваповский допустил еще одну ошибку. Споры о владении Жемайтией шли не в 1405 г. и не на Салинском съезде, а в 1404 г. в Раценже. См.: Prochaska A. Szkice historyczne z XV w... S. 108. М. Малиновский отмечает, ссылаясь на прусские хроники, что оскорбления в адрес Витовта со стороны командора Рагнеты Маркварта фон Зальцбаха и командора Остроуды Иоганна фон Шёнфельда также могли иметь место в Раценже или в Вильно в 1409 г.

⁸⁶ Ульрих фон Юнгинген — великий магистр Тевтонского ордена в 1407—1410 гг., брат великого магистра Конрада фон Юнгингена (1393—1407). Его политика привела к обострению отношений между Орденем и ВКЛ. В конфликт была втянута и Польша, что привело к Великой войне (1409—1411), и гибели великого магистра в Грюнвальдской битве (15 июля 1410 г.).